

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
НИЛА ГЕЙМАНА
The Guradian

ВИКТОРИЯ
ШВАБ

Тени сгушаются

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ –
ПОЛНЫЙ ВАРИАНТ
ТЕКСТА

18+

Оттенки магии

Виктория Шваб

Тени сгущаются

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шваб В.

Тени сгущаются / В. Шваб — «АСТ», 2016 — (Оттенки магии)

ISBN 978-5-17-107525-5

Гости со всего мира съезжаются в полный магии Красный Лондон на Игры стихий – состязание лучших магов. Роскошные балы, изысканные наряды, сияние огней, музыка, смех – безумный вихрь, в котором не узнать, кто прячется под маской. Но возможно, за легким кокетством скрываются подлинные чувства, а за шуткой – душевная боль? Кто ты? И где твое место в одном из четырех Лондонов?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107525-5

© Шваб В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Шваб

Тени сгущаются

Victoria Schwab

A Gathering of Shadows

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA.*

Text copyright © 2016 by Victoria Schwab

© Е. Токарева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Виктория Шваб подарила нам историю, прекрасную, как драгоценный камень... Эта книга – сокровище.

Дебора Харкнесс

Для поколения Нила Геймана.

The Guradian

Тем, кто пробивает себе дорогу вперед

Магия и волшебник должны искать равновесия.

Сущность магии – хаос. Маг должен хранить покой.

Личность, что раскололась, – негодный сосуд для силы,

Без удержу и без цели прольется сила в разлом.

Тирен Серенс, верховный жрец Лондонского святилища

Глава 1

Морская воровка

I

Арнезийское море

Дилайла Бард умела находить неприятности на свою голову.

Она всегда считала, что это лучше, чем ждать, пока они сами тебя найдут. Но сейчас, качаясь на океанских волнах в крошечном ялике на двоих, без весел и без снаряжения, если не считать связывающих ее руки веревок, она была готова пересмотреть свои взгляды.

Ночь выдалась безлунная, в морской черноте отражалось звездное небо, и только мерцающая рябь за бортом позволяла понять, где верх, где низ. Среди этих бесконечных отражений Лайле казалось, что она парит в центре вселенной.

И от этой бескрайности она чуть не расплакалась.

Но не стала. Прищурившись, всмотрелась в тусклую искорку на горизонте. Красноватый цвет выделял корабельные огни среди бесчисленных звезд. Корабль – ее корабль – медленно, но решительно исчезал вдалеке.

Паника стиснула горло, но Лайла овладела собой.

«Я Дилайла Бард, – говорила она себе, чувствуя, как веревки врезаются в кожу. – Воровка, пиратка, странница. Я побывала в трех разных мирах и осталась жива. Я проливала королевскую кровь и касалась руками магии. Я одна стою целого корабля мужчин. Мне никто не нужен.

Я – единственная в своем роде».

Приободрившись, Лайла повернулась спиной к уходящему кораблю и всмотрелась в непроглядную ночь.

«Могло быть и хуже», – рассудила она и в тот же миг почувствовала, как холодная вода просачивается в сапоги. В ялике оказалась пробоина. Не очень большая, но утешение слабое: рано или поздно лодка все равно потонет.

Лайла со стоном взглянула на веревки, крепко стянувшие кисти рук. Хорошо хоть, ублюдки оставили ей свободными ноги. Правда, делу сильно мешал этот чертов наряд – платье. Длинное, эфемерно-зеленое, с бесчисленными оборками и такой узкой талией, что дышать невозможно. Почему, бога ради, женщинам приходится так себя мучить?

Вода в ялике поднималась все выше, и Лайла заставила себя сосредоточиться. Она перевела дыхание, насколько позволял тесный наряд, и произвела осмотр своих скудных пожитков: бочонок эля (прощальный подарок), три ножа (спрятаны), несколько сигнальных факелов (получены от тех, кто отправил ее в плавание), вышеупомянутое платье (разрази его гром) и то, что она прятала под его подолом и в карманах (пригодится, если она достигнет цели).

Лайла взяла сигнальный факел – шутовину, похожую на фейерверк. Если стукнуть по твердой поверхности, взметнется фонтан окрашенного света. Не короткий сполох, а ровный луч, способный разрезать темноту, как ножом. Факелы горят примерно четверть часа, а их цвета на открытой воде складываются в особый код: желтый – корабль тонет, зеленый – на борту болезнь, белый – прочие опасности, красный – пираты.

У нее было по одному факелу разных цветов, и, перебирая пальцами, она раздумывала, какой взять. Поглядела на поднимающуюся воду и выбрала желтый, взяла его связанными руками и стукнула о борт утлой лодчонки.

Взметнулся свет, резкий и слепящий. Он разделил мир надвое: яростная желтизна светового конуса и плотная чернота вокруг. С полминуты Лайла чертыхалась и вытирала слезы, потом наконец сумела направить факел вверх, от лица. И начала считать. Едва глаза успели привыкнуть к свету, как он задрожал, замигал и погас. Она вглядывалась в горизонт, но не видела ни одного корабля. А вода прибывала, медленно и неуклонно, и уже дошла до лодыжек. Она взяла второй факел – белый, «терплю бедствие» – стукнула им о дерево, прикрыла глаза и стала отсчитывать минуты.

– Давай, – шептала она, всматриваясь в горизонт. – Давай, давай же, давай... – Слова утонули в шипении угасающего огня.

Воцарилась тьма. Лайла скрипнула зубами.

Судя по уровню воды в лодке, оставалось всего с четверть часа – время, пока горит один факел. А потом ялик неминуемо пойдет ко дну.

У дощатого борта что-то промелькнуло. Длинное и зубастое.

«Господи, если ты есть на свете, – взмолилась пиратка. – Или небесное светило, или высшая сила, или кто угодно там, наверху – или внизу – тот, кто из жалости или любопытства мог бы помочь мне прожить еще хоть один день, – вот сейчас самое время мне помочь».

С этими словами она взяла красный факел – предупреждение о пиратах – и ударила его о борт. Ночь утонула в призрачном алом зареве. На миг оно напомнило реку Айл в Лондоне. Не в ее Лондоне – если она вообще может назвать это унылое место своим, и не в зловеще-бледном Лондоне, где обитали Атос, Астрид и Холланд, а в *его* Лондоне. Его, Келла.

Он вспыхнул у нее перед глазами, словно луч факела, юноша с рыжими волосами и неизменной морщинкой между разноцветными глазами – голубым и черным. Антари. Волшебник. Принц.

Лайла вглядывалась в алое пламя факела, пока видение не исчезло. Есть более насущные заботы. Вода поднимается. Факел гаснет. Вокруг лодки крадутся тени.

И за миг до того, как зарево померкло, появилось это.

Поначалу лишь тонкая дымка протянулась над морем. Но вскоре туман сгустился в темный силуэт. В черных обводах и парусах отражалась ночь, тусклые палубные фонари могли сойти за звезды. И только когда умирающий свет факела дотянулся до высокого борта, она поняла, что это и вправду корабль. А тот уже почти нависал над лодкой.

В мерцании факела Лайла сумела разобрать название, выписанное блестящей краской. «Ис Рейнес Гаст».

«Медный вор».

Глаза Лайлы распахнулись от радости. Она усмехнулась себе под нос, потом спрятала улыбку под выражением более подобающим – благодарность пополам с мольбой, с примесью осторожной надежды.

– *Toca!* – крикнула она по-арнезийски и осторожно встала, стараясь не качнуть свое утлое суденышко.

«Помогите». Роль незащитной жертвы была непривычна для нее, она изо всех сил старалась ей соответствовать, такая маленькая на дне утлой лодчонки, в мокром зеленом платье, показывает смотревшим сверху морякам связанные руки. Лайла чувствовала себя посмешищем.

– *Керс ла?* – сказал один, обращаясь скорее к приятелям, чем к ней. «Это еще что?»

– Подарок? – предположил другой.

– Поделишься, – буркнул третий.

Слова остальных, долетавшие до слуха Лайлы, были еще менее приятны, и она настожила. Незнакомый выговор и океанский плеск мешали ей разобрать слова, но об общем смысле она догадывалась.

– Что ты там делаешь? – поинтересовался кто-то темнокожий, сливавшийся с ночной тьмой.

Ее арнезийский был еще далек от совершенства, но четыре месяца в открытом море, среди людей, не понимавших по-английски, заметно увеличили словарный запас.

– *Сенсан*, – отозвалась Лайла, «Тону». И услышала в ответ взрыв хохота. Вытаскивать ее никто не спешил. Она вытянула руки, чтобы все увидели веревку. – Мне нужна помощь, – произнесла она хорошо заученные слова.

– Сами видим, – был ответ.

– И кто же выбросил за борт такую красотку? – фыркнул кто-то.

– Может, на ней пробы ставить негде!

– Угу.

– Эй, крошка! У тебя все на месте?

– Давайте сами проверим!

– Что тут за крик? – громыхнул властный голос, и на палубе появился тощий, как жердь, человек с глубоко посаженными глазами и редящими черными волосами. Команда почтительно расступилась. Он ухватился за деревянный поручень и посмотрел на Лайлу. Цепкий взгляд ощупал ее с головы до ног – платье, веревку, бочонок, лодку.

Капитан, решила она.

– Похоже, тебе несладко, – заключил он. Голоса он не повышал, однако слова донеслись совершенно отчетливо. Его арнезийский говор был резким, но понятным.

– Как вы только догадались, – не удержалась Лайла. Дерзить было рискованно, но Лайла в любой ситуации умела найти верный тон. И собеседник, естественно, улыбнулся.

– Мой корабль захватили, – продолжала она. – А новый, как видите, долго не продержится.

Он перебил ее:

– Может, лучше продолжим разговор здесь, наверху?

Лайла радостно кивнула. А то она уж начала опасаться, что они проплывут мимо и бросят ее на произвол судьбы. Может, оно было бы и к лучшему, учитывая жадные слова и еще более жадные взгляды, но здесь, внизу, верная гибель, а наверху есть шанс выкрутиться.

Сверху метнули канат. Груз на его конце упал у ног девушки, в воду, плескавшуюся на дне лодки. Она ухватилась и подтянулась к борту корабля. Оттуда сбросили лестницу, по которой, не дожидаясь, пока Лайла поднимется, спустились двое матросов. Лодчонка под их весом стала тонуть гораздо быстрее, но они не обратили на это особого внимания. Один из них подхватил бочонок эля, а другой – недовольную Лайлу. Он перебросил ее через плечо, и ей потребовалось все самообладание – которое никогда не было сильным, – чтобы не вонзить нож ему в спину, особенно когда руки мужчины залезли ей под юбку.

Лайла впилась ногтями в ладони, и к тому времени, когда спаситель поставил ее на палубу возле бочонка («Да она тяжелее, чем кажется, и вдвое жестче на ощупь»), на коже появились восемь маленьких полумесяцев.

– Ублюдок, – вполголоса буркнула Лайла по-английски. Он подмигнул ей, пробормотал что-то насчет мягкости там, где надо, и Лайла мысленно поклялась убить его. Медленно.

Она выпрямилась и увидела, что ее кольцом окружили моряки.

Да нет, не просто моряки.

Пираты.

Мрачные, потемневшие и обветренные, в линялых одеждах, и у каждого на горле татуировка – нож. Метка пиратов «Медного вора». Она насчитала семь человек вокруг себя, пятеро занимались парусами, и еще, наверно, с полдюжины под палубой. Восемнадцать. Округлим до двадцати.

Тощий разорвал круг, шагнул вперед.

– *Соласе*, – развел он руками. – У моих парней все в порядке с храбростью, а вот манер им недостает. – Он опустил руки ей на плечи, на зеленое платье. Под ногтями запеклась кровь. – Ты дрожишь.

– Тяжелая выдалась ночь, – ответила Лайла, надеясь, что дальше не станет еще тяжелее. Вид этих мордovorотов не обещал ничего хорошего.

Тощий улыбнулся – как ни странно, все зубы были на месте.

– *Анеш*, – сказал он. – Зато теперь ты в надежных руках.

Лайла немало слышала о команде «Медного вора» и понимала, что это ложь, но прикинулась, что поверила.

– Чьи же руки это будут? – поинтересовалась она. Ходячий скелет взял ее за руку, прижался к пальцам обветренными губами, не обращая внимания на веревку, впившуюся в запястья.

– Бализ Касноф, – представился он. – Прославленный капитан «Медного вора».

Прекрасно. Касноф был легендой арнезийских морей. Его команда, небольшая, но проворная, брала корабли на abordаж в самые темные предрассветные часы. Перерезав горло всем, кто находился на борту, они забирали груз и отпускали корабль. И хоть на вид капитан казался оголодавшим, он был жаден до сокровищ и не дурак набить себе живот. Лайла знала, что «Медный вор» шел к северному берегу, в город Сол, в надежде поживиться большой партией спиртного.

– Бализ Касноф, – повторила она, как будто никогда не слышала этого имени.

– А вы? – полюбопытствовал он.

– Дилайла Бард, – ответила она. – С «Золотой рыбки».

– Правда? – переспросил он, и его люди, которым явно наскучило видеть ее одетой, принялись требовательно стучать по бочонку. – Знаете что, мисс Бард, – он галантно взял ее под руку, – расскажите мне, как вы очутились на этой лодчонке. Море не место для юных дам вроде вас.

– *Васкенс*, – пояснила она. Пираты. Как будто понятия не имела, что это слово относится и к ее нынешней компании. – Они забрали мой корабль. Мне его отец подарил на свадьбу. Мы шли к Фаро, отправились два дня назад... Пираты налетели, откуда ни возьмись, захватили «Золотую рыбку»... – Она заранее репетировала эту речь, не только слова, но и паузы. – Они... они убили моего мужа. И капитана. И всю команду. – Здесь Лайла намеренно перешла на английский. – Все произошло так быстро... – Она спохватилась, как будто оплошность была нечаянной.

Но капитан уже клюнул, словно рыба на крючок.

– Откуда ты?

– Из Лондона, – ответила Лайла, подчеркнув свой акцент. По толпе пробежал шепоток. Она продолжила рассказ: – «Рыбка» была маленькая, но очень богатая. Нагружена припасами на целый месяц. Провиант, напитки... Деньги. Я же сказала, это был подарок. А теперь ее нет.

На самом деле это было не так. Она бросила взгляд через борт. Корабль виднелся на горизонте крохотной искоркой света. Он остановился и явно ждал. Пираты жадно проследили ее взгляд.

– Сколько там народу? – спросил Касноф.

– Достаточно, – ответила Лайла. – Человек семь или восемь.

Пираты жадно ухмылялись, и Лайла читала их мысли. Их-то в два раза больше, а их корабль сливается с ночной темнотой. Если они догонят ускользающую добычу... Лайла чувствовала на себе изучающий взгляд глубоко посаженных глазок Каснофа. Она встретила с ним взглядом и мимоходом подумала: интересно, способен ли он к магии. Обычно корабли были запечатаны охранными заклинаниями – это сильно облегчало жизнь. Но она с удивлением обнаружила, что почти все, кого она встречала в море, не имели ни малейшей склонно-

сти к искусству стихий. Алукард говорил, что владение магией ценится очень высоко, и те, кто имеет к ней способности, обычно находят хорошую работу на суше. На море волшебники уделяют больше внимания родственным стихиям – ветру и воде, но мало кто умеет повернуть прилив вспять. А в основном они предпочитают старую добрую сталь. Лайла это горячо одобряла – ведь на ней и сейчас было спрятано несколько железок.

– Почему они пощадили тебя? – спросил Касноф.

– Разве это пощада? – парировала Лейла.

Капитан облизал губы. Было видно: он уже решил, как поступит с кораблем, и теперь раздумывает, как поступить с ней. «Медные воры» милосердием не славились.

– Бализ, – позвал один из пиратов, с кожей темнее, чем у остальных. Он схватил капитана за плечо и что-то зашептал на ухо. Лайла различала отдельные приглушенные слова. «Лондонцы»... «Богатые»... и «Выкуп». Губы капитана медленно растянулись в улыбке.

– *Анеш*, – кивнул он. И крикнул команде: – Поднять паруса! Курс на юго-запад!

Люди одобрительно загудели.

– Миледи, – Касноф повел Лайлу к трапу, – у вас была тяжелая ночь. Позвольте проводить вас в мою каюту, там вам будет удобнее.

За спиной она услышала скрип открываемого бочонка, забулькал эль. Улыбнувшись, она последовала за капитаном.

К счастью, Касноф не стал задерживаться в каюте.

Он проводил ее и сразу исчез, заперев за собой дверь. Веревки у нее на руках так и не развязал. По пути, под палубой, им встретились только трое, и Лайлу это порадовало. Значит, на борту «Медного вора» пятнадцать человек.

Лайла села на край капитанской кровати и досчитала до десяти, потом до двадцати, тридцати. Наверху слышались шаги. Корабль отправился в погоню за ее уходящим судном. Они даже не дали себе труда обыскать ее – какая самонадеянность! Она извлекла из сапога нож, хорошо отработанным движением раскрыла его в руке и перерезала веревки. Растерла запястья, мурлыча песенку-шанти про Саруса – призрака, который по ночам преследует корабли, сбившиеся с пути.

«Как нам узнать, когда явится Сарус?

Явится, явится, он уже тут...»

Лайла схватила подол обеими руками и дернула. Юбка оторвалась, и под ней обнаружились плотные черные брюки, заправленные в сапоги. Над коленями висели два ножа в ножнах. Одним из них она перерезала ленты корсета на спине. Теперь хоть можно свободно вздохнуть.

«Ветер утихнет, но шум его рядом,

В ушах, в голове, и в костях, и в крови...»

Она бросила зеленую юбку на кровать и разрезала от подола до рваного пояса. Среди шелковых складок было спрятано с полдюжины тонких палочек – они могли сойти за фижмы¹ и немного походили на факелы, но не были ни тем, ни другим. Лайла сунула нож обратно в сапог и извлекла тоненькие конусы.

«Штиль на воде, но корабль одинокий

Двигается вдаль, уплывает во тьму...»

¹ Здесь: часть каркаса для придания пышности юбке.

Над головой раздался грохот, будто уронили что-то тяжелое. Потом еще и еще раз – эль брал свое. Она достала кусок черной материи, натерла с одной стороны углем и повязала на лицо.

«Звезды с луною испуганно скрылись,
Ведь темнота далеко не пуста,
Да-да, темнота не пуста...»

Напоследок Лайла извлекла из складок зеленой юбки черную кожаную маску. Она была совсем простая, если не считать рогов, которые изгибались над головой со странным, пугающим изяществом. Лайла завязала маску на затылке.

«Как нам узнать, когда явится Сарус?
Явится, явится, он уже тут...»

В углу капитанской каюты висело зеркало, потускневшее от времени. Она как раз смотрелась в него, когда на лестнице послышались шаги.

«Он тихой тенью на палубу ступит,
Его не увидит никто...»

Лайла улыбнулась под маской. Потом обернулась и прижалась спиной к стене. Через мгновение дверь распахнулась, но было уже поздно.

Она стукнула палочкой о дерево, как факелом, но вместо яркого света оттуда повалили густые клубы дыма. Она швырнула дымящийся конус в каюту, и кто-то споткнулся, закашлялся и, надышавшись отравленным дымом, попадал на пол.

Минус два, подумала Лайла, перешагивая через тела.
Осталось тринадцать.

II

За штурвалом никого не было.

Оставшийся без управления корабль повернулся боком к волнам и сильно накренился. Волны били его в борт и жестоко раскачивали.

Когда Лайла была на полпути к трапу, на нее налетел первый пират. Он был огромен, но двигался медленно – отчасти от эля, отчасти от растворенного в нем снадобья. Лайла легко увернулась и врезала ему ногой в грудь. Он отлетел к стене так, что хрустнули кости, застонал и осел на дощатую палубу. Выругался, но договорить не успел – носок ее сапога встретился с его челюстью. Его голова дернулась вбок, потом тяжело опустилась на грудь.

Осталось двенадцать.

Над головой снова застучали шаги. Она запалила конус и бросила его навстречу гостям. С лестницы скатились еще трое. Первый увидел клубы дыма и попятился, но второй и третий невольно преградили ему путь к отступлению, и через минуту все трое катались по полу, кашляя и хватая воздух ртом.

Осталось девять.

Лайла ткнула сапогом ближайшего пирата, перешагнула и поднялась по трапу. На краю палубы, скрытая в темноте, она осмотрелась. Не обнаружив признаков жизни, стянула с лица

тряпку с угольной пропиткой и глубоко вдохнула, набирая полную грудь свежего зимнего воздуха. Потом шагнула в ночь.

На палубе валялись тела. Она шла и считала, вычитая результат из общего числа пиратов на борту.

Восемь.

Семь.

Шесть.

Пять.

Четыре.

Три.

Два.

Лайла постояла, обвела их глазами. Потом возле поручней что-то шевельнулось. Она вытащила нож – один из любимых, широкое лезвие и волнистая гарда, закрывающая пальцы – и, напевая, шагнула к копошащейся фигуре.

«Как нам узнать, когда явится Сарус?

Явится, явится, он уже тут...»

Человек полз по палубе на четвереньках, его лицо опухло от отравленного эля. Сначала Лайла его не узнала. Потом он поднял голову – это был тот самый, что тащил ее на борт. С блудливыми руками. Тот, что лопотал о ее мягких местечках.

– Чертова сука, – пробормотал он по-арнезийски. Понять его было непросто – мешал хриплый кашель. Снадобье было не смертельным. По крайней мере, в малых дозах, но, подсыпая его в бочонок, она меньше всего думала об осторожности. От него набухали вены и горло сжималось, лишая тело кислорода, пока жертва не теряла сознание.

Глядя сверху вниз на опухшего, посиневшего пирата, слыша его хриплое прерывистое дыхание, она предположила, что, может быть, немножко перестаралась. Он пытался встать на ноги, и никак не мог. Лайла схватила его за шиворот и рывком приподняла.

– Как ты меня назвал? – переспросила она.

– Я сказал... чертова... сука... – прохрипел он. – Ты за это... заплатишься. Я тебя...

Закончить он не успел. Лайла толкнула его, он перевалился через борт и упал в море.

– Передай привет Сарусу, – буркнула она, глядя, как он взмахнул руками и скрылся под водой.

Остался один.

Лайла услышала за спиной скрип досок и успела вскинуть нож за миг до того, как веревка захлестнула горло. Жесткие волокна царапнули шею и упали, перерезанные. Освободившись, она обернулась и увидела перед собой капитана «Медного вора» – острые глаза, уверенный шаг.

Бализ Касноф не пил эль со своей командой.

Он отшвырнул обрывки веревки, и Лайла стиснула в руке нож, готовясь к драке. Но капитан не вытащил оружие. Наоборот, протянул раскрытые ладони.

Лайла наклонила голову, рога на маске качнулись вперед.

– Сдаешься? – спросила она.

Темные глаза капитана сверкнули, губы скривились. Татуированный нож на горле, казалось, блеснул в свете фонаря.

– «Медный вор» не достанется никому, – сказал он.

Его губы шевелились, пальцы подрагивали, по ним пробежали язычки пламени. Лайла опустила глаза, увидела на палубе полустертый рисунок и поняла его замысел. Почти все корабли были заговорены от пожара, но Бализ разрушил заклятие. Он бросился к ближайшему парусу, и Лайла метнула нож. Клинок был плохо сбалансирован, с тяжелой гардой на рукояти,

так что ударил не в голову, а в шею. Капитан рухнул ничком, выставив руки, и колдовское пламя вместо парусов лизнуло канаты.

Огонь занялся, но Касноф, падая, почти загасил его. А остатки залила кровь, хлынувшая из раны. Лишь несколько мелких язычков упрямо ползли вверх. Лайла подняла руку, сжала пальцы в кулак, и пламя погасло.

Лайла улыбнулась, вытащила свой любимый нож из капитанского горла, вытерла лезвие о его одежду. Убрав клинок в ножны, услышала свист: к «Медному вору» приближался ее корабль – «Ночной шпиль».

Люди толпились у поручней. Она прошла по палубе «Медного вора», приветствуя их, сдвинула маску на лоб. Почти все хмурились, но посередине стояла высокая фигура с черной лентой через плечо. Каштановые волосы отброшены назад, на лбу сверкает сапфир, на губах насмешливая улыбка. Алукард Эмери. Ее капитан.

– *Мас авен*, – прорычал первый помощник Стросс, не веря своим глазам.

– Черт, не может быть! – протянул Оло, кок, оглядывая разбросанные тела.

Красавец Васри и Тавестронаск (или попросту Тав) заплодировали, Кобис глядел, скрестив руки, а Ленос разинул рот, как рыба.

Наслаждаясь их изумлением, она шагнула к перилам и широко раскинула руки.

– Капитан! Кажется, у меня есть для вас корабль.

– Мне тоже так кажется, – улыбнулся Алукард.

С корабля на корабль перекинули доску, и Лайла ловко пробежала по ней, ни разу не взглянув вниз. Очутившись на палубе «Ночного шпиля», она обернулась к долговязому юноше с такими темными синяками под глазами, как будто он никогда не высыпался.

– Раскошеливайся, Ленос.

Он нахмурился и с нервным смешком взмолился:

– Капитан!..

Алукард пожал плечами:

– Тебя никто за язык не тянул. Ни тебя, ни Стросса. – Он кивком указал на первого помощника, сурового громилу с бородой. – Сами напросились.

И это было правдой. Да, Лайла похвасталась, что захватит «Медный вор» в одиночку, а они поспорили, что ей будет слабо. Почти целый месяц она закупала нужное снадобье для эля и дымовых конусов, понемножку, каждый раз, когда корабль заходил в порт. И затея себя оправдала.

– Но она нас перехитрила! – заспорил Ленос.

– Дураки! – пророкотал Оло.

– Она все спланировала! – проворчал Стросс.

– Да, – поддержал его Ленос. – Откуда нам было знать, что она так тщательно готовится?

– А нечего было спорить с Бард. – Алукард встретился с ней взглядом и подмигнул. – Закон есть закон, и если не хотите, чтобы вас оставили на том корабле вместе с покойниками, платите моей воровке что положено.

Стросс вытащил из кармана кошель и сунул ей.

– Как ты это сделала? – спросил он.

– Какая разница? – отозвалась она, забирая деньги.

Ленос пошел за своим кошельком, но она остановила его.

– Я спорила не на деньги, сам знаешь.

Ленос сгорбился еще сильнее и отстегнул от предплечья клинок.

– У тебя что, ножей мало? – обиженно буркнул он.

Улыбка Лайлы стала жестче.

– А такого нету. – Она сомкнула пальцы на рукояти.

«Кроме того, этот нож – необыкновенный», – подумала она. Она мечтала о нем с тех пор, как Ленос пустил его в ход. Там, в Корме.

– Я его обратно отыграю, – проворчал он.

– Попробуй, – похлопала его по плечу Лайла.

– *Анеш!* – прогремел Алукард и хлопнул ладонью по борту. – Хватит стоять и глазеть, нам еще корабль обчистить надо. Забирайте все. Чтоб у этих негодяев, когда проснутся, осталось только то, что в штанах спрятано!

Мужчины захохотали, и Лайла невольно хихикнула.

Она не встречала людей, которые любили бы свое дело больше, чем Алукард Эмери. Он обожал его, как дети обожают играть, как взрослые обожают актерство, радостно и самозабвенно окунаясь в свои роли. Во всем, что делал Алукард, ощущалась доля театральности. Интересно, сколько еще ролей он может играть? И бывает ли виден скрывающийся за ними актер? Случается ли это вообще?

В темноте она поймала его взгляд. Глаза у него были серо-синие, как шторм, временами яркие, а иногда почти бесцветные. Он без слов кивнул в сторону своей каюты, и она последовала за ним.

В каюте Алукарда пахло как всегда – летним вином, чистым шелком, гаснущими углями. Алукард любил хорошие вещи. Но, в отличие от коллекционеров и хвастунов, выставяющих сокровища напоказ, чтобы вызвать чужую зависть, Алукард искренне наслаждался роскошью.

– Ну, Бард, – он перешел на английский, как только они остались одни, – расскажешь, как ты это провернула?

– А зачем? – откликнулась она, опускаясь в высокое кресло перед камином, в котором, как обычно, горело бледное пламя. На столе два бокала ждали, пока их наполнят. – Тайны гораздо интереснее, чем правда.

Алукард взял со стола бутылку. Его белая кошка Эса потерлась о сапоги Лайлы.

– В тебе есть что-нибудь, кроме тайн?

– Они тут делали ставки? – спросила она, не обращая внимания ни на его слова, ни на кошку.

– Еще как. – Алукард откупорил бутылку. – Ставили на все, что угодно. Утонешь ли ты, возьмет ли «Вор» тебя на борт, а если возьмет, останется от тебя мокрое место, или... – Он плеснул янтарной жидкости и протянул бокал Лайле. Она взяла его, а Алукард сдернул с ее головы рогатую маску и бросил на стол.

– Представление было впечатляющее, – сказал он. – Если хоть кто-то тебя раньше не боялся, теперь будут.

Лайла уставилась в бокал – тем же взглядом, что другие смотрят на огонь.

– А что, тут были те, кто меня не боялся? – лукаво спросила она.

– Тебя иногда называют Сарусом, – продолжал он. – Но только за глаза. Произносят шепотом, как будто бояться, что ты услышишь.

– Может, я и слышу. – Она повертела бокал.

Ответа не было. Она подняла глаза, увидела, что Алукард разглядывает ее в своей обычной манере – шарит глазами по лицу, как воры шарят по карманам, пытается что-то нащупать.

– За что выпьем? – сказал он наконец, поднимая бокал. – За Саруса? За Бализа Каснофа и его меднолобых болванов? За красавцев-капитанов и стройные корабли?

– Нет, – Лайла жестко улыбнулась. – За лучшую воровку.

Алукард беззвучно засмеялся.

– Хорошо. За лучшую воровку.

Он наклонил к ней свой бокал, и оба выпили.

III

Четыре месяца назад. Красный Лондон

Уйти было легко.

Не оглядываться – гораздо труднее.

Лайла чувствовала, как Келл смотрит вслед. Остановилась, только когда скрылась из виду. Ну вот, снова одна. Свободна. Можно идти куда угодно. Быть кем угодно. Но с приближением сумерек бравада начала отступать. На город опускалась ночь, и она ощутила себя уже не завоевательницей, а одинокой девчонкой в незнакомом мире, без знания языка, с пустыми карманами, в которых лежал только прощальный подарок Келла – набор стихий, серебряные часы Бэррона да несколько монет, которые она успела стащить у дворцового стражника.

Бывало и меньше, по правде говоря. Но бывало и больше.

И было ясно, что с таким запасом она далеко не уйдет. Нужен корабль.

Она то открывала, то закрывала карманные часы, смотрела на реку, где покачивались силуэты с мачтами. В сгущающихся сумерках красное сияние Айла разгоралось все ярче. Ее особенно притягивал один корабль – она весь день любовалась на него, не могла отвести глаз. Судно было роскошное. Борта из серебристого дерева, паруса синие, как полночь. Вдоль корпуса тянулось название – «Сарен ночи», позже она узнала, что это означает «Ночной шпиль». А сейчас она думала только об одном: хочу его! Но нельзя ведь просто ворваться на корабль и объявить, что отныне он принадлежит ей. Она, конечно, умница, но не настолько. И оставался еще один неприятный момент: Лайла понятия не имела, как ходить под парусами. Поэтому она стояла, прислонившись к гладкой каменной стене, сливаясь с сумерками, и смотрела, как корабль тихо покачивается на волнах. Эта качка и тихий гул, доносившийся с Ночного рынка на берегу, постепенно навеяли дремоту.

Ее вывело из забытья появление нескольких человек. Они с грохотом протопали по палубе и спустились на берег, раскатисто хохоча и звеня монетами в карманах. Корабль целый день готовился к выходу в море, и в крови матросов бурлило желание хорошенько гульнуть напоследок. Один затянул песню, остальные подхватили; так и дошли до таверны.

Лайла захлопнула часы, отлепилась от стены и пошла за ними.

У нее не было никакой маскировки – только костюм мужского покроя, темные волосы, спадавшие на глаза, да лицо, которому она постаралась придать суровость. Понизив голос, она надеялась сойти за стройного юношу. Маски хороши в темных переулках да на маскарадах, но никак не в тавернах. Только привлекут лишнее внимание.

Матросы исчезли в каком-то заведении. Названия на нем не было, но над дверями висела металлическая вывеска: блестящие медные волны обрамляли серебряный компас. Лайла одернула костюм, подняла воротник и вошла.

В ноздри ударил запах.

Не затхлая вонь, какая обычно стояла в портовых тавернах, и не цветочный аромат, как в королевском дворце, а теплый, простой и уютный запах жареного мяса, трубочного табака, морской соли.

В каминах по углам горел огонь, стойка тянулась не вдоль стены, а возвышалась посреди зала. Она была круглой, как компас над дверью. Этот невероятный шедевр был целиком отлит из серебра, и лучи розы ветров были направлены на все четыре камина.

Лайла никогда не видала таких таверн – без пятен крови на полу. Здесь не вспыхивали драки, грозившие выплеснуться на улицу. В «Скудном приливе», в ее родном Лондоне – нет, уже не в родном, а в чужом – публика была куда грубее. А здесь половина гостей носила королевские цвета – явно на службе у короны. Остальные более разномастны, однако ни одного изможденного лица и голодного взгляда. Многие, подобно тем, за кем она следовала, щеголяли

обветренными лицами и морским загаром, но даже у них сапоги были начищены, а оружие тщательно зачехлено.

Лайла прикрыла челкой незрячий глаз, высокомерно вскинула голову и подошла к стойке.

– *Аван*, – сказал худощавый бармен с дружелюбными глазами. Ее захлестнуло воспоминание – Бэррон из «В двух шагах», с его суровой теплотой и стойким спокойствием, – но она вовремя взяла себя в руки. Она села на табурет. Бармен задал вопрос, и она, не зная слов, все же догадалась о смысле. Постучала по полупустому стакану с каким-то напитком, и бармен ушел выполнять заказ. Через минуту ее бокал наполнился чудесным пенистым элем, и Лайла отхлебнула большой глоток.

В четверти круга от нее какой-то посетитель рассеянно перебирал монеты, и Лайла не сразу разглядела, что он до них не дотрагивается. Металл кружился вокруг его пальцев и нырял под ладонь, словно по волшебству; так оно и было. Еще один, с другой стороны, щелкнул пальцами и разжег свою трубку от вспыхнувшего на них пламени. Эти жесты не испугали ее, и она сама себе удивилась: надо же, всего неделя в этом мире, и он уже кажется таким естественным, каким никогда не был Серый Лондон.

Она повернулась на табурете, выискивая матросов с «Ночного шпиля». Они разбрелись по всему залу. Двое беседовали возле камина, третьего тянула в темный угол хорошо одетая женщина, еще трое сели играть в карты с парой матросов в красно-золотом. Один из них привлек внимание Лайлы – и не потому, что был красив, наоборот, весьма уродлив, насколько можно было разглядеть сквозь густую растительность на лице, – а потому, что жульничал.

По крайней мере, ей так показалось. Уверенности она не чувствовала, так как в игре было подозрительно мало правил. И все-таки она разглядела, что он сунул одну карту в карман и вытащил другую. Его руки двигались очень быстро, но ее глаз был острее. Ощущение опасности приятно защекотало Лайле нервы. Взгляд переместился к табурету, на котором лежал его кошелек. Туго набитый кошелек был привязан к поясу кожаным шнурком. Рука Лайлы невольно потянулась к короткому острому ножу у нее на бедре.

«Безрассудство», – прошептал голос в голове. Лайла с огорчением обнаружила, что он принадлежит не Бэррону, как раньше, а Келлу. Она стряхнула наваждение, кровь заструилась быстрее и сразу застыла – матрос обернулся и посмотрел прямо на нее. Нет, конечно, не на нее, а на бармена за ее спиной. Потом взмахнул рукой в понятном во всех мирах жесте – «Налей еще!».

Лайла допила эль и бросила на стойку несколько монет. Бармен нагрузил поднос напитками, и слуга понес выпивку к столу.

Вот он, удобный случай! Лайла вскочила на ноги.

Комната покачнулась – эль оказался крепче, чем она привыкла, – но быстро вернулась на место. Лайла пошла за слугой, не сводя глаз с двери. Ее сапог слегка зацепился за его пятку. Он споткнулся, но устоял на ногах, а вот подноса не удержал: бокалы и рюмки посыпались на стол, перемешав карты. Игроки вскочили, крича и чертыхаясь, бросились спасать деньги и одежду. И когда несчастный слуга оглянулся, ища, кто же его толкнул, черный плащ Лайлы уже исчез за дверью.

Лайла шагала по улице, помахивая украденным кошельком. Чтобы быть хорошей воровкой, мало иметь ловкие пальцы. Надо уметь извлекать пользу из любой ситуации. Она подобрала увесистый кошелек. Кровь победно пела.

Вдруг за спиной раздались крики. Она обернулась...

И очутилась лицом к лицу с бородатым детиной, которого только что обчистила. Отпираться не было смысла – она слишком плохо говорила по-арнезийски, и к тому же вот он, кошелек, болтается на руке. Она сунула добычу в карман и приготовилась к драке. Противник

был вдвое шире нее и на голову выше. Миг – и у него в руке блеснуло кривое лезвие, похожее на небольшую косу. Он что-то буркнул повелительным тоном. Может быть, предлагал вернуть украденное и уйти подобру-поздорову. Но она сомневалась, что у него хватит великодушия. И к тому же деньги были отчаянно нужны, ради них стоило рискнуть. Чтобы остаться в живых, нужна осторожность, но для движения вперед требуется смелость.

– Кто смел, тот и съел, – заявила она и увидела на лице бородача удивление. Черт. Келл же предупреждал, что у английского языка в этом мире есть четко очерченная роль и место. Он в ходу среди царственных особ, а не пиратов. Чтобы пробиться в море, надо держать язык за зубами, пока не освоишься.

Бородач что-то проворчал, провел рукой по изгибу ножа. Лезвие выглядело очень острым.

Лайла со вздохом вытащила нож с зубчатым лезвием и рукоятью, приспособленной под кулак: волнистая гарда прикрывала костяшки пальцев. Потом, окинув взглядом противника, достала второй – короткий и острый, тот, которым срезала кошель.

– Знаешь что, – сказала она по-английски, потому что больше никто услышать не мог. – Иди своей дорогой, пока цел.

Бородач изрыгнул фразу, заканчивавшуюся словом «пилс» – одно из немногих арнезийских слов, которые Лайла знала, и оно было вовсе не лестным. Не успела Лайла прийти в себя от обиды, как противник ринулся в атаку. Лайла отскочила, перехватила косу обоими клинками. Лязг металла далеко разнесся по пустынной улице, перекрывая плеск моря и шум, доносившийся из таверн. Того и гляди кто-нибудь заявится.

Новый удар прошел на волосок от ее горла. Лайла увернулась, отбила еще один выпад своим главным ножом. Лезвие соскользнуло по клинку и звякнуло о рукоять. Она ловко вывернулась и заехала гардой ему в челюсть. Не успел он оправиться от удара, как второй клинок, короткий, вонзился под ребра. Он поперхнулся, по бороде хлынула кровь. Собрав остатки сил, он ринулся на нее, но Лайла налегла сильнее, клинок пронзил сердце. Коса выпала из пальцев, и тело тяжело осело наземь.

На миг у нее перед глазами вспыхнула еще одна смерть, принесенная ее клинком. Мальчик в высоком замке, в бледном, полинявшем мире. Ей и раньше доводилось убивать, но в тот раз убийство впервые доставило ей боль. Очень сильную боль. Воспоминание промелькнуло и угасло, вокруг снова шумела портовая улица. Раскаяние таяло капля за каплей, как жизнь в умирающем теле. Все произошло очень быстро.

Она выдернула нож, и тело мешком свалилось на землю. В ушах еще стоял звон клинков, кровь бурлила от боевого азарта. Она глубоко вздохнула, успокаиваясь, развернулась, чтобы убежать – и очутилась лицом к лицу с пятью матросами с того же корабля.

Между моряками пробежал ропот.

Блеснула сталь.

Лайла неслышно выругалась, глаза на миг устремились к дворцу, высившемуся над рекой, мелькнула мысль – надо было остаться, пока была возможность, и все было бы хорошо, – но она отогнала ее и стиснула рукоятки ножей.

Она Дилайла Бард, черт возьми, и будет жить так, как сама...

Кулак врезался в живот, вытряхнув мысли. Второй удар попал в челюсть. Лайла рухнула, выронив нож, из глаз посыпались искры. С трудом приподнялась, стиснув второй клинок, но на руку наступил тяжелый сапог. Другой пнул под ребра. Что-то ударило в висок, и перед глазами все поплыло. Чьи-то сильные руки рывком поставили ее на ноги. Зрение вернулось. В горло упиралось острие шпаги. Лайла отпрянула, но ее жизнь на этом не оборвалась.

Кожаный ремень, чем-то похожий на тот, с которого она срезала кошель, стянул ей руки, и ее потащили к порту.

Голоса звучали у нее в ушах, как невнятный шум, но одно слово проскакивало чаще остальных.

Касеро. Она не знала, что оно означает.

Во рту стоял вкус крови – непонятно, горлом или носом шла у нее кровь. Какая разница, все равно они сбросят ее тело в Айл (если только это не будет святотатством; Лайла понятия не имела, как здесь поступают с покойниками). Но после нескольких минут жаркого спора ее отвели на корабль – тот самый, которым она любовалась весь день. Позади раздался грохот – человек, тащивший мертвого бородача, опустил свою ношу на сходни. Интересно, заметила она про себя. На борт его не внесли.

Все это время Лайла помалкивала, и ее молчание только разозлило команду. Они кричали друг на друга и на нее. Появилось еще несколько человек. И все призывали «касеро». Лайла пожалела, что не успела выучить арнезийский. Что такое «касеро»? Суд? Смерть? Убийство?

И тут появился человек с черной лентой через плечо, в элегантной шляпе. На поясе блестяла шпага, на губах играла зловещая улыбка. Крики мгновенно стихли, и Лайла поняла.

«Касеро» означало «капитан».

Капитан на «Ночном шпиле» был потрясающий. И потрясающе молодой. Кожа загорелая, но гладкая, волосы, густо-каштановые с медными нитями, стянуты сзади изящным зажимом. Взгляд глаз, темно-синих до черноты, переместился с мертвого тела на толпу, потом на Лайлу. В левой брови сверкнул сапфир.

– *Керс ла?* – спросил он.

Пятеро, притаившие Лайлу, загалдели. Она даже не пыталась уловить смысл и выискать знакомые слова, лишь стояла, не сводя глаз с капитана. А он, хоть и слушал их обвинения, смотрел только на нее. Когда все выговорились, капитан приступил к допросу – по крайней мере, заговорил, обращаясь к ней. Вид у него был не очень сердитый, скорее огорченный. Он ущипнул себя за переносицу и обрушил на нее целую речь – ему было невдомек, что она знает по-арнезийски всего несколько слов. Лайла подождала, пока до него это дойдет, и наконец он умолк, заметив ее пустой взгляд и догадавшись, что она ничего не понимает.

– *Шаст,* – буркнул он вполголоса и заговорил снова, медленно. Он перебрал еще несколько языков, то гортанных, то текучих, высматривая у нее в глазах искру понимания. Но Лайла лишь качала головой. Она знала несколько слов по-французски, но вряд ли здесь это поможет. В этом мире и Франции-то нет.

– *Анеш,* – сказал он наконец. – Лайла догадывалась, что это арнезийское слово выражает согласие. – *Та...* – он ткнул пальцем в нее, – *васар...* – провел по горлу, – *мас...* – указал на себя, – *эран гаст.*

«Гаст». Это слово она уже знала. «Вор».

Та васар мас эран гаст.

Ты убила моего лучшего вора.

Лайла невольно улыбнулась, добавляя в свой скудный арсенал новые слова.

– *Эс васар.* – Один из моряков указал на нее. «Убей ее». Или, может быть, «убей его» – Лайла не знала, догадались ли матросы, что она девушка. И не намеревалась им сообщать. Хоть она и далеко от дома, есть вещи, которые не меняются, и иногда лучше оставаться мужчиной, даже если тебе грозит смерть. Похоже, команда одобряла такое развитие событий: по толпе прокатился одобрительный рокот, перемежаемый словом «васар».

Капитан запустил пальцы в волосы, размышляя над этим предложением. Потом бросил взгляд на Лайлу, приподняв бровь, как будто спрашивал: «Ну? И что же мне с тобой делать?»

У Лайлы мелькнула идея. Дурацкая. Но уж лучше дурацкая идея, чем никакой. Она тщательно подобрала слова и ехидно улыбнулась.

– Насс, – медленно заговорила она. – Ан то эран гаст.
«Нет. Я твой лучший вор».

Она поймала на себе взгляд капитана и гордо вздернула подбородок. Остальные заворчали, но для нее это не имело значения. Их будто нет. Во всем мире остались только она и капитан этого корабля.

Его улыбка была неуловима. Лишь губы слегка изогнулись.

Остальным это понравилось куда меньше. Двое шагнули к ней. Лайла отступила, и в руке блеснул нож – это было не так-то просто, учитывая, что руки у нее были связаны. Капитан присвистнул, и она не поняла, что это: приказ своим людям или выражение восторга. Да и какая разница? В спину впечатался кулак, и она отлетела к капитану. Тот поймал ее за запястья и нажал на бороздку между костями. Руку пронзила боль, нож со стуком выпал на палубу. Она гневно посмотрела капитану в лицо. Оно было совсем близко. Его глаза впились в ее глаза – взгляд был ищущий.

– *Эран гаст?* – повторил он. – *Анеш...* – И вдруг, к ее удивлению, разжал руки. – *Касеро Алукард Эмери*, – представился он, растягивая гласные. Потом вопросительно указал на нее.

– Бард, – представилась она.

Он кивнул, размышляя, и обернулся к своей команде. Заговорил, обращаясь к ним – слова лились слишком быстро и плавно, Лайла ничего не понимала. Он указал на распростертое тело, потом на нее. Команда недовольно заворчала, но капитан не зря носил свое звание, и его слушали. А когда он закончил, остались стоять, угрюмо хмурясь. Капитан зашагал обратно к трапу, уходящему в недра корабля.

Коснувшись ногой первой ступеньки, он обернулся с улыбкой – уже другой, резкой.

– *Насс васар!* – приказал он. «Не убивать».

Потом бросил на Лайлу взгляд, в котором читалось: «Удачи!» – и скрылся под палубой.

Тело завернули в брезент и отнесли обратно в док.

Суеверие, догадалась Лайла, нельзя приносить мертвых на корабль. На лоб покойнику положили золотую монету – видимо, плата тем, кто его уберет. Насколько Лайла могла судить, Красный Лондон не отличался религиозностью. Если здесь чему-то и поклонялись, то только магии, что в Сером Лондоне сочли бы ересью. Но, с другой стороны, христиане почитают старика, живущего в небесах, и если бы Лайлу спросили, что же кажется ей более реальным, она бы сейчас выбрала колдовство.

К счастью, она никогда не была набожной. Не верила в высшие силы, не ходила в церковь, не молилась перед сном. И вообще почитала только себя саму.

Она подумала, не стянуть ли золотую монету, но, есть бог или нет, это все равно как-то неправильно. Поэтому она просто стояла на палубе и отрешенно следила за приготовлениями. Она не сожалела об убийстве, ведь иначе он сам убил бы ее. Да и моряки, кажется, не слишком горевали о потере... Потом Лайла подумала: уж кому-кому, но только не ей судить о ценности человека по тому, как сильно его оплакивают. Тело человека, который с натяжкой заменял ей семью, сейчас гниет в целом мире отсюда. Нашел ли кто-нибудь Бэррона? Похоронил ли? Она отмела эти мысли. Все равно его не вернешь.

Кучка людей побрела обратно на корабль. Один из них подошел к Лайле, и она увидела у него в руке свой кинжал с волнистой гардой. Он что-то буркнул, потом поднял нож и вонзил в корзину у нее над головой. К его чести – что не ей в голову, а к ее чести – она и глазом не моргнула. Лишь быстрым движением перекинула связанные руки через клинок и разрешила путы.

Корабль был готов к плаванию, и Лайла, кажется, заслужила место на нем. Правда, не была уверена, в каком качестве – пленницы, балласта или члена команды. Заморосил дождик, но она с колотящимся сердцем стояла на палубе, стараясь не путаться под ногами. Корабль мед-

ленно отчалил, вышел на середину Айла и повернулся спиной к сверкающему городу. Лайла, стиснув поручни, смотрела, как Лондон исчезает вдалеке. Она стояла, пока не заоченели руки, постепенно осознавая все безумие своей затеи.

Капитан рывкнул: «Бард!» – и указал на людей, разгружавших ящики. Она пошла помогать. И вот так – нет, конечно, не только так, на это ушло много жарких споров и драк, в которых она одержала немало побед, сначала против других, а потом бок о бок с ними, много пролитой крови и захваченных кораблей – Лайла Бард стала своей в команде «Ночного шпиля».

IV

На борту «Ночного шпиля» Лайла не произносила почти ни слова (Келл был бы в восторге). Давала понять, что молчит просто потому, что не хочет говорить (хотя может: это все помнили после первого знакомства). Сама же при малейшей возможности старалась чему-то научиться, по крупницам собирала словарь. Но, хоть она и ловила на лету, все же поначалу было легче слушать, чем говорить.

Моряки часто заводили с ней разговоры, пытались угадать ее родной язык, но раскусил ее только Алукард Эмери.

Это случилось, когда Лайла пробыла на борту всего неделю. Капитан случайно застал ее за странным занятием: она ругала Кастер, свой кремневый револьвер, за то, что он превратился в никчемную железку с последней пулей, застрявшей в стволе.

– Вот так сюрприз.

Лайла подняла глаза и увидела Алукарда. Она с ходу поняла его и удивилась: неужели ее арнезийский так улучшился? Потом до нее дошло, что он говорит по-английски. Мало того, говорил он бегло и отчетливо, как человек, прекрасно владеющий королевским языком. Не как придворные выскочки, с трудом подбиравшие слова. А как Келл или Рай. Человек, знающий этот язык с самого детства.

В целом мире отсюда, на серых улицах родного города Лайлы, такая беглость ничего не значила, но здесь она резко отличала их обоих от простых моряков.

В последнем отчаянном усилии сохранить тайну Лайла сделала вид, что не понимает.

– Бард, не валяй дурака, – поморщился он. – Я только что тобой заинтересовался.

Здесь, под выступом верхней палубы, они были одни. Пальцы сами собой потянулись к ножу, спрятанному на талии, но Алукард взял ее за руку.

– Давай продолжим разговор у меня в каюте. – Его глаза блеснули. – Если ты не собираешься устроить сцену.

Лайла решила не резать капитану горло у всех на виду.

Раз уж это можно сделать наедине.

Как только они остались одни, Лайла ринулась в бой.

– Ты говоришь по-англ... – Она прикусила язык. – На королевском языке. – Именно так его здесь называли.

– Несомненно, – ответил Алукард и с легкостью перешел на арнезийский: – Но этот язык для меня не родной.

– Токк, – возразила Лайла на том же языке. – А с чего ты взял, что для меня он родной?

Алукард лукаво усмехнулся и снова перешел на английский.

– Во-первых, твой арнезийский ужасен, – поддразнил он. – Во-вторых, люди всегда и везде ругаются на своем родном языке. И надо сказать, ты выражаешься весьма красочно.

Лайла стиснула зубы, злясь на себя за ошибку. Алукард привел ее в свою каюту. Она была изысканна, но уютна, у одной стены стояла кровать, у другой горел камин, возле него два кресла с высокими спинками. На темном деревянном столе, будто пресс-папье на груде карт, свернулась клубочком белая кошка.

– Эса, – представил ее капитан. – Хозяйка моего корабля.

При их появлении она вздрогнула и приоткрыла один лавандовый глаз. Алукард сел за стол, сдвинул бумаги, рассеянно почесал кошку за ухом.

Он сидел спиной к Лайле, и ее рука снова потянулась к ножу за поясом. Но коснуться не успела: Алукард шевельнул пальцами, клинок выскочил из ножен и подлетел к нему. Рукоять дружески ткнулась в ладонь. А он даже не поднял глаз. Лайла прищурилась. За неделю, проведенную на борту, она ни разу не видела, чтобы кто-то применял магию. Алукард как ни в чем не бывало повернулся к ней с беззаботной улыбкой и небрежно бросил нож на стол. От этого стука Эса дернула хвостом.

– У тебя еще будет время разделиться со мной. – Он широким жестом указал на два кресла у камина. – А сначала давай побеседуем.

На столе стоял графин и два бокала. Алукард плеснул в них напиток красного цвета и протянул Лайле. Она не взяла.

– Почему? – спросила она.

– Потому что мне нравится королевский язык, – ответил он. – А поболтать не с кем. – Лайла понимала его чувства. Ей и самой было приятно заговорить после того, как она столько времени молчала. Как будто потягиваешься после долгого сна, расправляешь затекшие мышцы. – Не хочу, чтобы он заржавел, пока я в море.

Он сел, осушил свой бокал. В свете пламени блеснул драгоценный камень на лбу. Он указал пустым бокалом на другое кресло. Лайла подумала и все-таки села. Взяла со стола графин с пурпурным вином, налила себе, откинулась на спинку, подражая Алукарду. Вытянула ноги, скрестила щиколотки. Воплощенная беззаботность. Он рассеянно крутил одно из своих колец – серебристое перо, обернутое вокруг пальца.

Они долго рассматривали друг друга в полном молчании, как шахматисты, обдумывающие первый ход. Лайла всегда терпеть не могла шахматы. У нее не хватало терпения.

Первым заговорил Алукард. Сделал ход.

– Кто ты?

– Ты же помнишь, – ответила она просто. – Меня зовут Бард.

– Бард, – протянул он. – Я не знаю благородного дома с такой фамилией. Из какого ты семейства? Розек? Казин? Лорени?

Она беззвучно фыркнула и не ответила. Алукард предположил единственное, что могло прийти в голову арнезийцу: раз человек говорит по-английски, или на королевском, или как еще его тут называют, значит, он благородных кровей. Рожденный при дворе, привыкший блистать английскими словами, как бриллиантами, кружить головы знатным особам в погоне за титулом или короной. Лайле вспомнился принц Рай, его небрежное очарование и вечное кокетство. Она, пожалуй, легко могла бы привязать его к себе. Потом мысли перескочили на Келла – он стоял, как тень, позади блистательного наследника престола. Келл, его рыжеватые волосы, черный глаз, вечно хмурые брови...

– Хорошо, – перебил ее мысли Алукард. – Задам вопрос полегче. Мисс Бард, у тебя есть имя? – Лайла приподняла бровь. – Да-да, я знаю, что ты женщина. При дворе ты еще могла бы сойти за красивого юношу, но у мужчин, которые работают в море, обычно бывает побольше...

– Мускулов? – отважилась она.

– Я имел в виду растительность на лице.

Лайла невольно улыбнулась.

– И давно ты понял?

– Как только ты поднялась на борт.

– И позволил мне остаться.

– Ты пробудила во мне любопытство. – Он снова наполнил свой бокал. – Расскажи, что привело тебя на мой корабль.

– Твои люди меня привели.

– Я видел тебя в тот день. Тебе очень хотелось здесь остаться.

Лайла всмотрелась в него и произнесла:

– Мне понравился твой корабль. Кажется, он стоит кучу денег.

– Так оно и есть.

– Я хотела дожидаться, пока команда сойдет на берег, потом прикончить тебя и забрать «Шпиль» себе.

– Какая искренность, – протянул он, пригубив вино.

Лайла пожала плечами:

– Мне всегда хотелось иметь пиратский корабль.

При этих словах Алукард рассмеялся:

– А с чего ты взяла, что я пират, мисс Бард?

У Лайлы вытянулось лицо. Она ничего не понимала. Не далее как вчера она видела, как он захватил чужой корабль. Хотя она и не покидала «Шпиля», но внимательно следила за схваткой. Ее спутники взяли корабль на абордаж, обчистили и скрылись с добычей.

– Тогда кто же ты?

– Я капер. – Он гордо вскинул голову. – На службе у славной арнезийской короны. Имею разрешение дома Мареш. Прочесываю их моря, слежу за порядком и улаживаю споры. Как ты думаешь, почему мой королевский язык так отточен?

Лайла тихо чертыхнулась. Неудивительно, что его люди чувствовали себя в той таверне с компасом как дома. Они добропорядочные моряки. От этой мысли она приуныла.

– Но ты не поднимаешь королевский флаг, – заметила она.

– Мог бы, наверное...

– Тогда почему?

Он пожал плечами.

– Веселья меньше... – И обернулся к ней уже с другой улыбкой – злой. – Я мог бы поднять королевский флаг, если бы хотел, чтобы меня атаковали на каждом углу, или если бы мечтал спугнуть добычу. Но мне нравится мой корабль, я не хочу видеть, как его потопят. И не хочу потерять работу из-за отсутствия результатов. Нет, «Шпиль» действует более тонкими методами. Но мы не пираты. – Он заметил, что Лайла приуныла, и добавил: – Да полно, мисс Бард, не вешай носа. Какая разница, как это называется – пиратство или каперство. Главное – я капитан этого корабля. И намереваюсь сохранить и свой пост, и свою жизнь. Отсюда вытекает вопрос: что делать с тобой. Тот человек, которого ты зарезала, Белс... Твою шкуру спасло только то, что ты убила его на суше, а не в море. На кораблях суровые законы, Бард. Если бы ты пролила чью-то кровь на моем судне, мне бы ничего не осталось, кроме как пролить твою.

– Ты все равно мог бы это сделать, – заметила она. – И твои люди не стали бы возражать. Так почему же ты меня пощадил? – Этот вопрос мучил ее с самого первого дня.

– А мне стало любопытно, – протянул он, глядя в спокойное белое пламя камина. – А кроме того, – он снова взглянул на нее, – я и сам давно думал, как бы избавиться от Белса. Мерзавец безбожно обкрадывал меня. Так что, пожалуй, ты оказала мне услугу, а я тебя отблагодарил. На твоё счастье, команда тоже терпеть не могла этого ублюдка.

Возле его кресла появилась Эса. Ее аметистовые глаза впились в Лайлу. Кошка смотрела на нее, не мигая. Хотя Лайле казалось, что кошкам положено мигать.

– Встречный вопрос, – сказал он и выпрямился. – Ты пришла на борт с намерением убить меня и угнать корабль. У тебя была целая неделя. Почему же ты бездействуешь?

– Мы еще не подходили к берегу, – пожала плечами Лайла.

Алукард расхохотался.

– Ты всегда такая очаровательная?

– Только когда говорю на родном языке. Мой арнезийский, как ты справедливо заметил, оставляет желать лучшего.

– Странно, никогда не встречал человека, который говорил бы на королевском языке, но не знал простонародного.

Он умолк, ожидая ответа. Лайла пригубила вино и затянула паузу.

– Знаешь что, – сказал он, не дождавшись ответа. – Приходи ко мне по вечерам, и я помогу тебе освоить язык.

Лайла чуть не поперхнулась вином, потом яростно сверкнула глазами. Алукард рассмеялся – легко и непринужденно, хотя кошка все же ошетижилась.

– Ты меня неправильно поняла, – сказал он. Лайла залилась краской под цвет вина в бокале. У нее зачесались кулаки.

– Приходи составить мне компанию, – попробовал он еще раз, – и я не выдам твою тайну.

– И пусть вся команда думает, что ты спишь со мной?

– Им это и в голову не придет. – Он махнул рукой. Лайла постаралась не обидеться. – И честное слово, мне от тебя нужно только удовольствие приятной беседы. Я тебе даже помогу с арнезийским.

Лайла постучала пальцами по подлокотнику, раздумывая.

– Ладно, – сказала она, встала и подошла к столу, где на стопке карт лежал ее нож. Ей вспомнилось, как легко Алукард отобрал его. – Но я хочу кое-что взамен.

– Забавно. Мне казалось, я достаточно сделал для тебя: разрешил остаться на моем корабле, хотя ты лгунья, воровка и убийца. Но продолжай.

– Магия, – произнесла она, убирая кинжал в ножны.

Он приподнял украшенную сапфиром бровь.

– Что именно?

Она замолчала, подбирая слова.

– Ты умеешь ее творить.

– Ну и что?

Лайла достала из кармана подарок Келла и положила на стол.

– Научи меня.

Чтобы освоиться в этом новом мире, первым делом надо выучить его настоящий язык.

– Учитель из меня неважный, – вздохнул Алукард.

– Зато я хорошая ученица.

Алукард склонил голову, размышляя. Потом взял шкатулку Келла, отпер защелку, и шкатулка раскрылась у него на ладони.

– Что ты хочешь узнать?

Лайла вернулась в кресло, подалась вперед, уперлась локтями в колени.

– Все.

V

Арнезийское море

Напевая про себя, Лайла пробиралась сквозь недра корабля.

Время было позднее, «Ночной шпиль» уходил от обглоданного скелета «Медного вора». Тринадцать пиратов, которых она оставила в живых, скоро очнутся и обнаружат, что капитан мертв, а корабль ограблен. Они еще легко отделались: она могла бы перерезать им горло прямо по вытатуированным клинкам. Но Алукард потребовал пощадить их; он считал, что грабить и отпускать – намного интереснее.

Вино и приятная компания разогрели ее, под ногами мягко покачивался корабль, отовсюду доносились звуки моря – самая лучшая колыбельная, о которой она всегда мечтала. Вот оно, настоящее счастье.

В ушах прозвучал голос:

«Уходи».

Лайла узнала его – он шел не с моря, а с улиц Серого Лондона. Голос принадлежал ей самой, девчонке, какой она была столько лет. Отчаянной сорвиголовы, не доверявшей ничему и никому, кроме самой себя.

«Уходи», – призывал голос. Но Лайла не хотела.

И это пугало ее больше всего.

Она тряхнула головой и вошла в свою каюту, напевая про Саруса. Мелодия была для нее как скорлупка, защищающая от невзгод, хотя за несколько месяцев, проведенных на своем корабле, она их так и не нашла. Строго говоря, она пока что не может называть этот корабль своим, но это ненадолго.

Каюта была маленькая, в ней еле умещались койка и сундук, но только здесь на всем корабле она могла остаться по-настоящему одна. Едва она закрыла дверь, как вымышленный образ, созданный ею для чужих глаз, соскользнул с плеч, словно плащ.

В деревянных досках дальнего борта темнело единственное окно, а сквозь него виднелась лунная дорожка на океанских волнах. Лайла взяла с сундука фонарь и зажгла его движением пальцев – в нем вспыхнуло то же заколдованное пламя, какое горело в камине у Алукарда (заклинание принадлежало не ей, и магия тоже). Повесив фонарь на крюк в стене, она скинула сапоги, сняла оружие, разложила его на сундуке – все, кроме ножа с гардой, прикрывающей костяшки, его она оставила при себе. Даже теперь, когда у нее была собственная каюта, она все равно спала так же, как в самом начале, – спиной к стене, с оружием у колена. Давняя привычка. Ну и ладно. Она уже много лет не спала крепко по ночам. Жизнь на улицах Серого Лондона приучила ее отдыхать, даже не засыпая.

Возле оружия стояла маленькая шкатулка, которую в тот день подарил ей Келл. Шкатулка хранила его запах – он называл это запахом Красного Лондона. Аромат цветов, свежеспаханной земли. И всякий раз, открывая шкатулку, она в глубине души радовалась, что запах еще там. Эта ниточка ведет к городу, к нему. Лайла села на койку, скрестив ноги, и поставила коробочку на жесткое одеяло. Она падала с ног от усталости, но эта церемония стала для нее ежевечерним ритуалом, и она знала, что не уснет, пока не проделает это.

Шкатулка была из темного шероховатого дерева и запиралась на маленькую серебряную защелку. Вещица красивая, за нее можно было выручить неплохие деньги. Но у Лайлы не поднималась рука продать ее. Не из сентиментальности, говорила она себе – единственной вещью, которой она по-настоящему дорожила, были серебряные часы, – а потому что шкатулка была полезна.

Она открыла серебряную защелку, и настольная игра раскрылась. Все стихии лежали в своих канавках и ждали, пока их сдвинут. Земля и воздух, огонь и вода, и кость. Лайла размяла пальцы. Она знала, что большинство здешних жителей может освоить какую-нибудь одну стихию, максимум две, а ей, пришедшей из другого Лондона, не будет подвластно ни одной.

Но Лайла никогда не позволяла судьбе вставать у нее на пути.

Кроме того, тот старый жрец, мастер Тирен, говорил, что в ней есть сила, скрытая где-то в костях. Надо только ее вскормить.

Она поднесла ладони к капельке масла в одной из бороздок, как будто хотела согреться ее теплом. Она не знала, какими словами надо призывать магию. Алукард говорил, что нет нужды учить чужой язык, что слова человек произносит только для самого себя, они помогают сосредоточиться. Но без нормального заклинания Лайла чувствовала себя глупо. Сумасшед-

шая девчонка в темноте болтает сама с собой... Нет, какие-то слова нужны, и она давно поняла, что прекрасно подходят стихи. По крайней мере, это больше, чем просто слова.

«Тигр, о тигр, светло горящий», – проговорила она вполголоса.

Стихов она знала мало – воровская жизнь не располагает к литературным изыскам. Но Блейка помнила наизусть, спасибо матери, умершей лет десять назад. Лайла плохо ее помнила, но стихи остались – каждый вечер мама убаюкивала ее «Песнями Невинности и Опыта». Тихое журчание маминого голоса успокаивало ее, как волны, покачивающие лодку.

Вот и теперь эти слова, вернувшись, уgomонили бурю в голове, расправили тугой воровской узел в груди.

«В глубине полночной чащи...»

Лайла шептала стихи, и ладони постепенно согревались. Она не знала, правильно ли делает, и существует ли вообще такое понятие – правильно. Будь здесь Келл, он бы, конечно, утверждал, что да, существует, и придирался бы, пока она не сделает все как надо. Но Келла здесь нет, и Лайла на собственном опыте поняла, что достичь результата можно разными путями.

«В небесах или глубинах...»

Может быть, силу надо вскармливать, как говорил Тирен, но не все цветы растут в садах. Бывают и полевые.

И Лайла всегда считала себя скорее сорняком, чем розовым кустом.

«Тлеет огонь очей звериных?»

Масло в своей канавке ожило и вспыхнуло – не белым, как в камине у Алукарда, а желтым. Лайла победно улыбнулась. Пламя выскочило из канавки и повисло в воздухе между ладонями, трепеща, как расправленный металл. Она вспомнила парад, который видела в свой первый день в Красном Лондоне, когда стихии танцевали на улицах, огонь, вода, и воздух переливались, словно гибкие ленты.

Стихотворение звучало у нее в голове, жар щекотал ладони. Келл сказал бы, что это невозможно. До чего же нелепо звучит это слово в мире, знакомом с магией.

«Кто ты такая?» – спросил однажды Келл.

«Кто я такая?» – задумалась она, глядя, как огонь перекачивается по пальцам, словно монета.

Она отпустила огонь, и капелька масла нырнула в свою бороздку. Пламя погасло, но в воздухе, словно легкий дымок, осталась магия. Она взяла свой новый нож – тот самый, который выиграла у Леноса. Оружие было непростое. Месяц назад, когда у побережья Кормы они захватили фароанский пиратский корабль под названием «Змей», она впервые увидела его в действии. Лайла провела пальцами по клинку и там, где металл соединялся с рукоятью, нащупала скрытую пружину. Нажала – и с ножом произошло что-то вроде волшебного фокуса. У нее в руках он разделился, один клинок превратился в два, похожих, как в зеркале, тонких как бритвы. Лайла коснулась капельки масла, провела пальцем по спинкам обоих клинков. Потом подержала нож на ладонях, скрестила острые лезвия – «Тигр, о тигр, светло горящий» – и ударила.

Пламя лизнуло металл, и Лайла улыбнулась.

Такого Ленос при ней не делал.

Золотистый огонь окутал оба клинка от острия до рукояти.

А этого при ней не делал вообще никто.

Кто я такая? Единственная в своем роде.

То же самое говорили про Келла.

Красного вестника.

Принца с черным глазом.

Последнего антари.

Но, вращая в пальцах горящие ножи, она невольно задалась вопросом...

Каждый из них – единственный, или все же их таких двое?

Она нарисовала в воздухе пламенеющую дугу – яркая дорожка тянулась за клинками, будто хвост кометы. И вспомнила, как, уходя, чувствовала спиной его взгляд. Ожидающий. Лайла улыбнулась. Она не сомневалась: когда-нибудь их пути снова пересекутся.

И тогда она покажет ему, на что способна.

Глава 2

Принц во всей красе

I

Красный Лондон

Келл стоял на коленях в центре Цистерны.

Большой круглый зал находился внутри одной из громадных колонн, поддерживавших дворец. Снаружи струился Айл, и его красноватое сияние просачивалось сквозь полупрозрачные стены. На каменном полу был выгравирован круг сосредоточения, его причудливый рисунок направлял силу, и все пространство зала – и стены, и воздух – гудело потаенной энергией, будто колокол.

Келл чувствовал, как энергия наполняет его, ищет выхода, чувствовал ее мощь, и гнев, и страх, но заставил себя сосредоточиться, обрести равновесие, полностью контролировать процесс, который теперь стал таким естественным. Мысли вернулись на много лет назад: он, десятилетний мальчик, сидит на полу в монастырской келье Лондонского святилища, и в голове звучит размеренный голос Тирена.

«Магия запутанна – так что ты должен быть прям.

Магия дика – так что ты должен быть смирен.

Магия – это хаос. А ты будь спокоен!

Спокоен ли ты, Келл?»

Келл медленно поднялся на ноги, вскинул голову. За пределами круга клубилась тьма, сгущались тени. В трепещущем свете факела у теней были лица врагов.

Мягкий голос Тирена угас, его место заняли холодные слова Холланда.

«Знаешь, что делает тебя слабым?» – зазвучал резкий голос антари.

Келл смотрел на тени, обрамлявшие круг, и ему виделись то бархатные взмахи плаща, то холодный блеск стали.

«Тебе никогда не приходилось быть сильным».

Свет факелов затрепетал. Келл вдохнул, резко выдохнул и нанес удар.

Первым же ударом он опрокинул навзничь одну из теней. За спиной мелькнула вторая.

«Тебе не нужно было стараться».

Келл вскинул руку. Взметнулась вода. Помедлив, она хлынула навстречу второй фигуре, на лету превратилась в лед и ударила нападавшего в голову.

«Тебе не приходилось драться».

Келл очутился лицом к лицу с тенью, принявшей облик Холланда.

«И уж точно не приходилось драться за свою жизнь».

Раньше он бы заколебался – да он и колебался когда-то. Но то время миновало. Взмах – и из рукава мага выскользнули стальные иглы. Они взлетели в воздух и вонзились Холланду в горло, в голову, в сердце.

Но теней становилось все больше и больше. Так бывало всегда.

Келл прижался к стене Цистерны и вскинул руки. На обратной стороне запястья блеснул стальной треугольник. Он изогнул руку – и треугольник стал острием. Келл провел им по ладони, выдавил кровь. Сложил руки, снова развел их.

– *Ас осоро*, – приказал он крови. Огонь погас.

«Да будет тьма».

Команда резко зазвенела под сводами зала. Воздух между ладонями сгустился в черную тень. Она за клубилась, как дым, и через мгновение Цистерну наполнила тьма.

Келл привалился к холодной каменной стене, переводя дыхание. Магия отнимает много сил. Его глаза – один голубой, другой непроницаемо-черный – заливал пот. Помещение погрузилось в тишину.

– Ну что, всех порубил? – раздался за спиной голос, не призрачный, а живой и теплый, насмешливо-звонкий.

– Не уверен, – ответил Келл. Он сдвинул ладони, и тьма сразу рассеялась, комната стала, какой была: пустой каменный цилиндр, предназначенный скорее для медитации, чем для битв. Повсюду стояли манекены для тренировок. Один весело пылал, другой был утыкан небольшими железными стрелками. Кругом валялись еще несколько – разбитые, разорванные, побежденные. Келл сжал кулак, и горящий манекен погас.

– Показушник, – буркнул Рай, остановившись в дверях. В свете факелов золотые глаза принца мерцали, как у кошки. Келл провел окровавленной ладонью по медно-рыжим волосам. Его брат вошел, громко стуча каблуками по каменным плитам.

Строго говоря, Рай и Келл не были братьями, между ними не было кровного родства. Келл, на год старше Рая, воспитывался в арнезийской королевской семье с пяти лет. Он не помнил своей семьи, а от прошлого у него остался только кинжал да угольно-черный глаз. Метка волшебника-антари. Но ближе, чем Рай, у Келла никого не было. Он был готов отдать за принца жизнь. И недавно доказал это.

Рай насмешливо окинул взглядом разгромленный зал.

– Мне всегда казалось, что антари не нужны тренировки. Что это приходит... – он сделал рассеянный жест, – само собой.

– Способность дается от природы, – пояснил Келл, – а над мастерством надо работать. Я тебе это на каждом уроке объясняю.

Принц пожал плечами:

– Зачем мне магия? Я и так красив.

Келл вздохнул. У стены стоял стол, уставленный колбами – в одних была земля, в других песок или масло, рядом миска воды. Келл окунул руки в воду и поскорей умылся, пока кровь не окрасила воду.

Рай протянул ему полотенце.

– Ну как, лучше?

– Да.

Они говорили не об освежающих свойствах воды. Кровь в жилах Келла неугомонно билась, и сила, скрытая в ней, искала выхода. В нем постоянно что-то клокотало и не желало успокаиваться. Оба знали, что Келл навещает в Цистерну все чаще и проводит там все больше времени. Тренировки успокаивали его и энергию, бушующую в крови, но ненадолго. Так лихорадка отступает ненадолго, чтобы потом вернуться с новой силой.

Рай переминался с ноги на ногу, и Келл вдруг заметил, что принц сменил свой обычный красно-золотой наряд на изумрудно-серый, тонкий шелк – на шерсть и хлопок, сапоги с золотыми пряжками – на пару черных кожаных башмаков.

– Кем это ты вырядился?

В глазах Рая блеснула озорная искра, он отвесил изысканный поклон.

– Простолюдином, разумеется.

Келл покачал головой. Такой маскарад никого не обманет. Блестящие черные волосы аккуратно расчесаны, пальцы унизаны кольцами, на изумрудном костюме мерцают перламутровые пуговицы. Все выдавало особу королевской крови.

– И все равно ты выглядишь как принц.

– Естественно, – отозвался Рай. – Если я переодет, это не значит, что я хочу остаться неузнанным.

– Знаешь, – вздохнул Келл, – вообще-то люди именно для этого и переодеваются. Чтобы остаться неузнанными. Все, кроме тебя. – Рай улыбнулся, словно услышал комплимент. – Дозволено ли мне узнать, куда это ты собрался?

– Да, – сказал принц. – Потому что мы идем вместе.

– Я воздержусь, – покачал головой Келл. Больше всего ему хотелось принять ванну и выпить, и все это было можно сделать в его собственных уютных покоях.

– Отлично, – сказал Рай. – Я иду один. А когда меня ограбят и бросят в темном переулке, расскажешь об этом родителям. И не забудь упомянуть, что ты остался дома, вместо того чтобы оберегать меня.

Келл застонал.

– Рай, в прошлый раз...

Но принц лишь беззаботно отмахнулся, как будто речь шла не о разбитом носе, нескольких подкупах и ущербе в несколько тысяч лин.

– Сейчас совсем другое дело. Никаких бесчинств и безобразий. Просто выпьем немного в месте, подобающем нашему статусу. Пошли со мной, Келл, ради меня! Я больше ни минуты не выдержу подготовки к турниру – мама предугадывает любое мое желание, а папу заботят только Фаро и Веск.

Келл ни секунды не верил, что брату удастся ни во что не ввязываться, однако по упрямому блеску в золотых глазах видел, что Рай настроен серьезно. Значит, нужно собираться.

– Можно хоть пойти переодеться? – вздохнул он.

– Незачем, – бодро возразил Рай. – Я принес тебе свежую тунику. – И достал мягкую рубашку золотистого цвета. Он явно хотел поскорее увести брата из дворца, пока тот не передумал.

– Как предусмотрительно, – буркнул Келл, раздеваясь, и поймал на себе взгляд принца – тот смотрел на шрам, пересекавший его грудь. Точно такой же проходил над сердцем у самого Рая. Следы запретной, необратимой магии.

«Моя жизнь – это его жизнь. Его жизнь – моя. Я вернул его из мрака».

Келл вздрогнул. Он еще не привык к символу – когда-то черному, теперь серебристому – который связывал их воедино. Общая боль. Общая радость. Общая жизнь.

Он оделся и облегченно вздохнул, когда символ скрылся под рубашкой. Откинул волосы с лица и обернулся к Раю:

– Доволен?

Принц кивнул, но тут же спохватился.

– Чуть не забыл! Я принес шляпы. – Он лихо надел на черные кудри светло-серый головной убор и слегка сдвинул его набекрень, чтобы ярче засияла россыпь зеленых самоцветов над полями.

Рыжую голову брата принц увенчал угольно-черной шляпой.

– Чудесно, – буркнул Келл и накинул на плечи плащ.

Рай укоризненно покачал головой.

– В таком виде ты будешь слишком выделяться.

Келл прикусил язык, чтобы не напомнить, что со своей светлой кожей, рыжими волосами и черным глазом он выделяется везде и всегда. Не говоря уж о слове «антари» – то ли выражении почтения, то ли проклятии, – повсюду преследовавшем его.

Но вместо этого он сказал:

– Ты тоже. Мне казалось, этого ты и добиваешься.

– Я имею в виду плащ, – возразил Рай. – Этой зимой черный не в моде. У тебя там нет чего-нибудь цвета индиго или лазурного?

«Как ты думаешь, сколько сторон у моего плаща?»

Воспоминание настигло его, как удар. Лайла.

– Мне больше нравится этот. – Он отогнал наваждение. В складках плаща словно мелькнула тонкая рука карманницы.

– Ну ладно, ладно. – Рай снова переступил с ноги на ногу. Принц никогда не умел стоять смирно, но в последнее время стал еще беспокойнее. С недавних пор в его движениях сквозила скрытая энергия, тугая, будто натянутая струна. Такая же, как у Келла. И все же Рай был другим. Одержимым. Опасным. Настроение у него было темнее, и менялось чаще, в считанные секунды. Келлу оставалось только приспособливаться. – Итак, мы готовы?

Келл взглянул на лестницу.

– А как же стражники?

– Твои или мои? – спросил принц. – Твои стоят у верхних дверей. К счастью, они не знают, что из дворца есть и другой выход. А мои, вероятно, до сих пор караулят возле покоев. Сегодня мое умение перемещаться незамеченным на высоте. Идем?

Из Цистерны был отдельный выход. Он шел внутри одной из дворцовых опор и выводил на берег. Братья поднялись по узкой лестнице, освещенной лишь красноватым сиянием реки да редкими фонарями, в которых горело бледное вечное пламя.

– Зря ты это затеял, – сказал Келл. Не потому, что надеялся переубедить брата; просто это была его обязанность. Потом он сможет с чистой совестью сказать королю и королеве, что сделал все, что мог.

– Ничего не зря, – бодро отозвался Рай и положил руку брату на плечо.

Они вышли в ночную тьму.

II

В долгие зимние месяцы другие города впадали в спячку, но Красный Лондон и не думал сдаваться. В очагах пылал магический огонь, над каминными трубами вился дымок, и сквозь пар своего дыхания Келл различал огни Ночного рынка, обрамлявшие берег, чувствовал запах горячего вина и тушеного мяса. Улицы пестрели людьми, закутанными в шарфы, в ярких, будто самоцветы, плащах.

Рай не ошибся: в черное был одет только Келл. Маг надвинул шляпу на лоб, защищаясь не столько от холода, сколько от любопытных взглядов.

Навстречу прошли рука об руку две молодые женщины. Одна из них бросила на Рая приветливый взгляд и чуть не наступила себе на подол. Он подхватил ее под локоть.

– *Ан, соласе, рес настер*, – извинилась она.

– *Мас марист*, – отозвался Рай, легко переходя на арнезийский.

Девушка вроде бы не заметила Келла, стоявшего в шаге позади брата, в тени. Но ее подруга обратила на него внимание. Келл почувствовал на себе ее взгляд, потом встретился с ней глазами и ощутил мрачное удовлетворение: она, конечно, ахнула.

– *Аван*, – еле слышно сказал ей Келл.

– *Аван*, – ответила она, сдержанно кивнув.

Рай поднес к губам руку первой девушки, но Келл не сводил глаз с той, что смотрела на него. Было время, арнезийцы почитали его, едва не падали ниц. Ему никогда не нравилось это благоговение, но сейчас стало еще хуже. В их глазах осталась доля почтения, но к ней примешивался страх и, хуже того, недоверие. Она смотрела на него, как на опасного зверя. Как будто в ответ на неловкое движение он может броситься на нее. Ведь, насколько она знала, это он был виноват в том, что на город обрушилась Черная ночь, когда магия выгрызала людей изнутри, делая их глаза такими же черными, как у него. И, что бы ни заявляли король и королева, какие бы слухи ни распускал Рай, все были уверены, что виноват в этом Келл. Он один.

И в какой-то мере они были правы.

Он почувствовал на плече руку брата и опомнился.

Девушки поспешили прочь, оживленно перешептываясь.

Келл вздохнул и оглянулся на королевский дворец, высившийся над рекой.

– Зря ты это затеял, – снова сказал он, но Рай уже был далеко впереди, стремительно удаляясь от огней Ночного рынка и красноватого сияния реки. – Куда мы идем? – спросил Келл, догнав брата.

– Это сюрприз.

– Рай, – предостерегающе сказал Келл, с некоторых пор ненавидевший сюрпризы.

– Не бойся, братец. Я обещал, что вечер будет утонченным, и сдержу слово.

Место, куда они пришли, Келлу не понравилось сразу.

Оно называлось «Рахенаст».

«Роскошь».

Невыносимо шумное и безумно яркое место отдыха, где городская «остра» – то есть элита – пережидала зимние месяцы, отрицая холод за стенами. Зимняя ночь не проникала через посеребренные двери. Внутри стоял летний день – в светильниках над головой горело белое, как солнце, магическое пламя, искусственные деревья укрывали гостей уютным зеленым пологом.

Войдя из ледяного мрака и тумана под эти широкие солнечные своды, Келл вдруг остро и болезненно ощутил свою неуместность здесь. Трудно было поверить, но они с братом оказались одеты скромнее всех. Он даже заподозрил, что Рай нарочно нарывался на скандал, хотел, чтобы его выставили. Но слуги у дверей узнали либо принца, либо самого Келла (а уж вслед за ним и Рая, ибо кто еще мог притащить антари на такое пиршество). Короче, их обоих впустили.

Вечеринка была в разгаре. На столах высились горы фруктов и сыра, стояли кувшины холодного летнего вина. На голубой каменной плите, изображавшей озеро, кружились пары, другие возлежали на подушках под заколдованными деревьями. Звенели колокольчики, люди смеялись – легко и беззаботно, как смеются аристократы, – и поднимали хрустальные кубки, выставляя напоказ свое богатство.

Может быть, эта картина была бы прелестной, не будь в ней столько развязного высокомерия. Келл находил ее невыносимой; хоть Лондон и был жемчужиной Арнезийской империи, все же в нем имелись и бедность, и страдание. Здесь же, в «Роскоши», богачи с помощью магии и денег легко воплощали любые свои причуды.

Вдобавок ко всему Рай оказался прав: никто здесь не носил черное, и Келл чувствовал себя пятном на чистой скатерти. Он уже подумывал, не сменить ли ему и впрямь свой плащ на что-нибудь более яркое, но не мог заставить себя одеться в павлиньи цвета, модные этой зимой. Принц положил руку ему на плечо и подтолкнул. Проходя мимо стола, Рай прихватил пару бокалов летнего вина. Келл поглубже надвинул шляпу и смотрел на публику поверх бокала.

– Как ты думаешь, они уже узнали меня, – размышлял принц, пряча лицо, – или тут все слишком заняты собой?

Келл с удивлением уловил в голосе брата раздраженную нотку.

– погоди, мы же только что пришли, – сказал он. Но узнавание уже расходилось по залу кругами.

Рай подошел к кушетке под деревом, сел, скинул шляпу. Черные кудри рассыпались по плечам, и даже без привычного золотого обруча их блеск ослеплял. Все в нем – осанка, улыбка, манера держаться – выдавало царственную кровь. Келл знал, что ему не под силу изобразить нечто подобное; он уже пытался. Рай бросил шляпу на стол. Келл потеревил поля своей шляпы, подумал и остался в ней – это была его единственная защита от любопытных взглядов.

Келл пригубил вино и, не выказывая интереса к происходящему, присмотрелся к брату. Он до сих пор не понимал, зачем Рай затеял эту дешевую игру с переодеванием. «Роскошь» была заведением для элиты, и ее посетители прекрасно знали принца и его компанию. Они месяцами учили королевский язык, только чтобы добиться высочайшего расположения (хотя Келл знал, что Рай находит это неприятным и ненужным). Но беспокоила его не только одежда. Вроде бы все в принце было на своем месте, и тем не менее...

– Я что, и вправду так красив? – спросил принц, не встречаясь с ним взглядом, пока по залу разлетался смех, похожий на звон колокольчиков.

– Ты же знаешь, что да, – отозвался Келл, разглядывая травяной ковер под ногами.

К их кушетке никто не подходил, только служанка, девушка в белом платье, спросила, не может ли она сделать их вечер еще приятнее. Рай одарил ее улыбкой и попросил принести напитков покрепче и цветов.

Принц развалился на кушетке, раскинув руки на спинке, и обводил помещение блестящими золотистыми глазами. По сравнению с обычным своим поведением он вел себя тише воды, ниже травы, и это было очень подозрительно.

Вернулась служанка с графином рубинового напитка и единственным синим цветком. Рай взял вино и с улыбкой заправил цветок ей за ухо. Келл вздохнул. Принц оставался верен себе.

Рай наполнил бокалы. Келл услышал шепотки, поймал устремленные на него взгляды. Внимание неизбежно переключилось с принца на его спутника. Келла пробрала дрожь, но он усилием воли не опустил головы.

– Если перестанешь хмуриться, станет гораздо веселее, – заметил Рай.

Келл послал ему испепеляющий взгляд.

– Они меня боятся.

– Они тебе поклоняются, – махнул рукой Рай. – Почти все жители этого города считают тебя богом.

От этого слова Келла передернуло. Волшебники-антари редки, так редки, что порой к ним относятся как к божествам, как к избранным.

– А остальные считают меня дьяволом.

Рай подался вперед.

– А ты знаешь, что в Веске жители верят, что это ты сменяешь времена года, повелеваешь приливами и даришь процветание империи?

– Если хочешь польстить моему самолюбию...

– Просто напоминаю, что ты был, есть и будешь единственным в своем роде.

Келл застыл, вспомнив о Холланде. Он говорил себе, что рано или поздно родится еще один антари, но и сам себе не верил. Он и Холланд – двое из исчезающей породы. Такие всегда были редки, но теперь могут исчезнуть совсем. Что, если он – последний?

– Я бы предпочел быть обычным человеком, – нахмурился Келл.

Теперь уже Рай испепелил его взглядом.

– Бедняжка. Хотел бы я знать, что чувствует человек, которого так превозносят.

– Разница в том, что тебя-то любят, – возразил Келл.

– На каждых десятиерых, которые любят меня, – Рай обвел рукой огромный зал, – найдется один, который придушил бы меня голыми руками.

Его слова навевали воспоминания. Тени – так называли себя люди, которые шесть лет назад пытались уничтожить Рая, только чтобы напомнить королевской семье: нельзя бросать драгоценные средства на ветер, не обращая внимания на нужды народа. Глядя на «Роскошь», Келл отчасти мог их понять.

– А на каждых десятиерых, которые обожествляют тебя, – продолжал Рай, – найдется один, который сжег бы тебя на костре. Когда речь идет о таких, как мы, расклад всегда одинаков.

Келл налил себе вина.

– Жуткое место, – пробормотал он.

– Что ж... – Рай осушил бокал одним длинным глотком и со стуком поставил его на стол. – Можем уйти.

В глазах принца сверкнул такой огонек, что Келл сразу понял, к чему этот маскарад. Рай оделся не для «Роскоши», потому что направлялся не сюда.

– Ты нарочно выбрал это место.

Рай ответил ленивой улыбкой:

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты пришел сюда, потому что знал: мне здесь не понравится и я охотно уйду отсюда куда угодно.

– И что?

– Ты сильно недооценил мою способность переносить страдания.

– Располагайся поудобнее! – Принц поднялся на ноги со своей обычной ленивой грацией. – А я немного пройдуся.

Келл насупился, но остался сидеть. Откинулся с бокалом на спинку дивана, безуспешно пытаясь подражать идеальной небрежности принца.

Его брат без усилий пробирался сквозь толпу, весело улыбаясь, пожимая руки, целуя кого-то в щеку, время от времени с наигранным смехом показывая на свой наряд. И, что бы принц ни говорил, он легко вписывался в здешнюю компанию. Наверно, подумал Келл, так и задумано.

И все-таки ему не нравилось, как остра пожирают глазами принца. Во взмахх женских ресниц было слишком мало тепла и слишком много кокетства. В одобрительных кивках мужчин – мало доброты и много голода. Раз или два Келл поймал на себе взгляды, полные отзвуков того же голода, но ни у кого не хватило смелости подойти к нему. Вот и хорошо. Пусть себе перешептываются, пусть глазеют... Внезапно ему захотелось устроить сцену, посмотреть, как веселье сменится ужасом, когда он покажет им свою истинную мощь.

Келл стиснул бокал и уже хотел встать, как вдруг уловил поблизости обрывок разговора. Он не хотел подслушивать, все вышло само собой. Может быть, магия усиливала слух, а может, дело было в привычке. Неудивительно, когда о тебе столько перешептываются...

– Я мог бы записаться, – сказал какой-то дворянин, откидываясь на гору подушек.

– Брось, – отмахнулась сидевшая рядом дама. – Даже если бы у тебя были нужные навыки – а их нет! – ты все равно опоздал. Списки давно составлены.

– Уже? Так быстро?

Они, как и почти весь город, говорили об Эссен Таш – Игре стихий. Поначалу Келл не обратил на них внимания, потому что остра обычно больше интересуется балами и банкетам, чем состязаниями. И если уж говорят о волшебниках, то примерно так же, как об экзотических зверях.

– Список, конечно, еще не опубликован, – заговорщически продолжала дама, – но у моего брата есть свои каналы...

– И кого из участников мы знаем? – беззаботным тоном спросил еще один.

– Говорят, прошлогодняя победительница Кисмайра снова в деле.

– А что слышно об Эмери?

При этих словах Келл насторожился, пальцы крепче сжали бокал. Ослышался, наверное, подумал он, и в тот же миг дама переспросила:

– Об Алукарде Эмери?

– Да. Я слышал, он снова соревнуется.

У Келла застучало в ушах, вино в бокале чуть не расплескалось.

– Ерунда! – возразил кто-то.

– Не слушай сплетен. Эмери уже года три не появлялся в Лондоне.

– Может быть, – упорствовала дама, – но его имя включено в список. У друга моего брата сестра служит на посылках в Авен Эссен, и она говорила...

Внезапная боль пронзила плечо Келла, он чуть не выронил бокал. Вскинул голову, ища, откуда пришел удар, рука сама потянулась к клинку на плече. И лишь через мгновение он понял, эта боль – не его. Это только отзвук.

Рай.

Где Рай?

Келл вскочил на ноги, опрокинув столик, и обвел взглядом зал. Где же принц? Черные как оникс волосы, синий плащ – ничего этого не было видно. Сердце гулко стучало в груди, Келл хотел громко позвать Рая, так, чтобы слышал весь зал, но удержался. Все взгляды устремились на него – ну и пусть! До них ему дела нет. Единственный во всем этом заведении – во всем *городе* – дорогой ему человек находится где-то здесь, и ему больно.

Келл, прищурившись, обвел глазами слепяще-яркий зал «Роскоши», изображавший лесную поляну. Над головой сияли солнечные фонари, но вдалеке полуденный свет терялся в темных закоулках. Келл выругался и бросился бегом через поле, не обращая внимания на взгляды гостей.

Боль настигла снова, на сей раз в пояснице. Келл выхватил нож и ринулся в сумрачные заросли, куда проникал только свет звезд. Но единственными, кто попадался ему в дремучей чаще, были обнимающиеся парочки.

Выругавшись, он повернул обратно. Кровь стучала в висках.

Он давно привык на всякий случай носить с собой что-нибудь из вещей Рая. Пришло время призвать на помощь магию крови. Он начал читать заклинание поиска, и вдруг шрам на груди запульсировал – это означало, что принц близко. Келл обернулся и услышал в соседней рощице сдавленный звук – кажется, это стонал Рай. Келл ринулся туда, готовясь к драке, и вдруг застыл от неожиданности.

На мшистом холмике полураздетый принц навис над молоденькой служанкой в белом платье и с синим цветком в волосах. Рай прижимался лицом к ее плечу, и на его голой спине Келл разглядел глубокие, до крови, царапины. Новый отзвук боли вспыхнул на бедре Келла – это девица вонзила в принца свои ногти.

Келл громко выдохнул, девушка заметила его и вскрикнула. Рай поднял голову, и у него хватило наглости улыбнуться.

– Ублюдок, – выдавил Келл.

– Это твой любовник? – поинтересовалась девушка.

Рай приподнялся, с ленивой грацией растянулся на зеленом мху и пояснил:

– Брат.

– Ступай прочь, – приказал Келл служанке. Та с недовольным видом поправила платье и удалилась. Рай, пошатываясь, поднялся на ноги и стал искать рубашку. – Я думал, на тебя напали!

– В некотором смысле так оно и было... – Рай натянул тунику.

Келл отыскал его плащ, перекинутый через ветку дерева, бросил его принцу и потащил обратно – через лес, через поле, мимо серебряных дверей, в темную ночь. Шли они молча, но, едва «Роскошь» осталась позади, Келл накиннулся на брата:

– О чем ты только думал?!

– А что, неужели непонятно?

– Ну и свинья же ты, – покачал головой Келл.

Рай только фыркнул:

– Откуда я мог знать, что она будет так жестока ко мне?

– Убить тебя мало...

– Не сможешь, – развел руками Рай. – Ты же сам об этом позаботился.

И на миг, пока эти слова облачком висели в морозном воздухе, показалось, что принц искренне огорчен. Но потом улыбка снова вернулась на его лицо.

– Пойдем, – сказал он и обнял Келла за плечи. – Что-то мне надоело в «Роскоши». Найдем местечко посимпатичнее.

Закружился легкий снежок, и Рай вздохнул:

– Надеюсь, ты не забыл мою шляпу?

III

– Святые праведники, – выругался Рай. – Неужели во всех Лондонах так же холодно?

– Да, – отозвался Келл. – И даже еще холоднее.

Они уходили все дальше и дальше от жаркого сердца Лондона, углублялись в лабиринт узких улочек. Келл мысленно совместил этот Лондон с другими. Сейчас они приближались бы к Вестминстеру. А вот тут в каменном дворе когда-то стояла статуя Данов.

Рай остановился у дверей таверны. Келл поднял глаза – на дощатой вывеске было написано «Ис Авен Страс».

«Благодатные воды».

Келл тихо выругался. Он был наслышан об этом месте и знал, что им тут делать нечего. Особенно принцу. Лучше, конечно, чем «Три ножа» в самом сердце трущоб-шал, где почти у каждого на руке чернеет клеймо-ограничитель, или «Джек и все», где они хлебнули лиха в свой прошлый загул, но все же репутация у «Вод» была сомнительная.

– *Токк*, – буркнул Келл по-арнезийски, потому что королевский язык был бы здесь неуместен.

– Что? – невинным тоном переспросил Рай и дернул с головы Келла шляпу. – Да, это не «Роскошь». И у меня здесь дела. – Он водрузил шляпу на свои кудри.

– Какие еще дела? – возмутился Келл, но принц лишь подмигнул и вошел. Келлу ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Внутри пахло морем и элем. Если в «Роскоши» царили простор, свет и яркие краски, то «Воды» состояли из темных уголков и еле тлеющих каминов, столы и кабинки были рассыпаны по помещению, как тела после драки. В воздухе висел густой дым, звучал хриплый смех и пьяные угрозы.

Это место хотя бы не обманывает само себя, подумал Келл. Ни притворства, ни иллюзий. Оно напомнило ему таверны «В двух шагах», или «Заходящее солнце», или «Горелую кость». Одна и та же точка во всех мирах, где Келл вел дела, пока они не стали слишком рискованными. Приторговывал безделушками из дальних миров – тех, куда проникнуть мог только он.

Рай прикрыл полями шляпы золотистые глаза и подошел к стойке. Сделал знак сумрачной тени, маячившей за спиной у бармена, пододвинул к нему листок бумаги и единственный серебряный лиш.

– Для Эссен Таш, – вполголоса сказал принц.

– На кого? – прошелестел призрак.

– Камероу Лосте.

– На победу?

– Нет, – покачал головой Рай. – Только на попадание в девятку.

Призрак осторожно покосился на него, принял пари и удалился в угол.

Келл не верил своим глазам.

– Ты пришел сюда делать ставки? На турнир, который сам же устраиваешь?

Рай сверкнул золотыми глазами:

– Конечно.

– Вряд ли это законно.

– Потому-то мы и здесь.

– Кстати, напомни, почему мы не могли прийти сюда с самого начала.

– Потому что, – Рай жестом подозвал бармена, – когда я уводил тебя из дворца, ты, как обычно, был не в духе и просто из принципа отверг бы любое место, куда я привел бы тебя. Вот я и подготовился.

Бармен, стоявший неподалеку, усердно протирал стакан. Если он и заметил рыжие волосы и черный глаз Келла, то не подал виду.

– Две «Черных Салли», – заказал Рай по-арнезийски. У него хватило ума расплатиться мелкими линами, а не серебряными лишами и уж тем более не золотыми ришами, какие были в ходу среди знати. Бармен поставил перед ними два стакана с густой темной жидкостью.

Келл взял стакан – жидкость была почти непрозрачная – и осторожно пригубил. От неожиданности он чуть не поперхнулся, и в зале послышались смешки. Пойло было густое, как сироп, и очень крепкое. Оно застряло в горле и сразу ударило в голову.

– Ну и гадость, – выдал он. – Что там намешано?

– Поверь, братец, лучше тебе не знать. – Рай махнул бармену: – И еще два зимних эля.

– Кто же это пьет? – прокашлялся Келл.

– Тот, кто хочет напиться, – ответил Рай и сделал долгий, мучительный глоток.

У Келла помутилось в голове, и он отодвинул стакан.

– Притормози, – сказал он брату, но принц был настроен решительно. Он с громким стуком поставил на стол пустой стакан. Гости одобрительно застучали кружками, и Рай, пошатываясь, раскланялся.

– Впечатляет, – пробормотал Келл и услышал позади злобный голос:

– А по-моему, принц – просто избалованная дрянь.

Келл и Рай насторожились. Говоривший сидел спиной к бару, с ним были еще двое.

– Прикуси язык, – предостерег второй. – Ты ведь говоришь об особе королевской крови! – И, не успев Келл обрадоваться, все трое расхохотались.

Рай вцепился в край стойки, и Келл стиснул его плечо так, что боль отдалась в его собственном. Не хватало только, чтобы наследный принц ввязался в пьяную драку в «Благодатных водах».

– Вспомни, что ты говорил, – прошептал он брату на ухо. – Каждый десятый желает нам гореть в аду.

– Говорят, в нем магии ни на грош, – продолжал пьянчуга. Никто в трезвом уме не стал бы произносить этого вслух.

– Болтовня, – буркнул второй.

– Ну, и где справедливость? – хмыкнул третий. – Не будь он принцем, побирался бы на улицах.

И самое противное, что он был прав. Этим миром правила магия. Но власть над ней не передавалась по наследству. В одних она была сильна, в других еле ощутима. И если магия обходила кого-то стороной, это считалось приговором. Слабых сторонились, бросали на произвол судьбы. Иногда они уходили в море – там грубая физическая сила ценилась куда выше магической. Но многие оставались, промышляли воровством и плохо кончали. Эта сторона жизни не коснулась Рая лишь по праву рождения.

– За какие заслуги он вообще будет сидеть на троне? – проворчал второй.

– В том-то и дело, что ни за какие...

Келл не выдержал. Он чуть не бросился в драку, но Рай удержал его, протянув руку. Жест был расслабленным, касание – беззаботным.

– Не стоит. – Принц взял эль и направился в глубину зала. Один из болтунов откинулся на спинку стула, покачиваясь на двух ножках. Келл, проходя мимо, чуть качнул его стул, нару-

шив равновесие. Оглядываться не стал, но грохот упавшего тела доставил ему истинное наслаждение.

– Злодей ты, – шепнул Рай, но Келл услышал в его голосе улыбку. Принц пробирался между столами к кабинке у дальней стены. Келл двинулся за ним, но сразу остановился: что-то привлекло его внимание. Вернее, кто-то. Вдалеке у стены стояла девушка. Она выделялась из толпы – не только потому, что была здесь одной из немногих женщин, но и потому, что Келл ее знал. Они встречались всего два раза, но он тотчас узнал ее по кошачьей улыбке и по черным волосам, скрученным на затылке в два жгута, перевитых золотом. Смелый поступок – носить драгоценный металл в этом сборище воров и бандитов.

Но и сама Кисмайра Васрин была смелее многих.

Она была еще и победительницей последнего состязания Эссен Таш, и благодаря ей нынешние игры проводились в Лондоне. До турнира оставалось еще две недели, но она уже сидела в уголке «Благодатных вод» в своем обычном милом окружении. Обычно победитель много месяцев путешествует по империи, демонстрируя свою силу и наставляя юных магов, карманы у которых достаточно глубоки. Она впервые попала в заветный список, когда ей было всего шестнадцать, и за двенадцать лет, выступив в четырех турнирах, добралась до высшего ранга.

И в свои двадцать восемь вполне может победить еще раз.

Кисмайра теребила каменную сережку – одну из трех в каждом ухе, на ее губах играла хищная улыбка, а взгляд лениво скользнул по комнате и остановился на Келле. Они встречались раз или два, и он сомневался, помнит ли она его. Но нет – на ее лице появилась легкая усмешка узнавания.

В ее глазах перемешалась дюжина разных цветов, и поговаривали, что она может заглянуть человеку прямо в душу. И хотя Келл сомневался, что необычные радужки наделяют ее какой-то особенной силой – впрочем, ему ли, чьи глаза навеки отмечены черной печатью мага, об этом судить? – под ее взглядом все же стало тревожно.

Он вскинул голову, чтобы огни таверны отразились в глянцевой черноте правого глаза. Кисмайра ничуть не удивилась. Лишь еле заметно, неуловимым жестом, приветственно подняла бокал и поднесла к губам угольно-черную жидкость.

– Сядешь? – послышался голос Рая. – Или так и будешь стоять, как часовой?

Келл с трудом отвел глаза от женщины и посмотрел на брата. Рай растянулся на скамейке, задрал ноги на столешницу, теребил край шляпы Келла и бормотал о том, как ему нравилась его собственная, утраченная. Келл скинул его ноги на пол, освобождая себе место.

Он хотел расспросить брата о списках участников, об Алукарде Эмери, но это имя, даже произнесенное, оставило во рту неприятный привкус. Он глотнул эля, но комок в горле не исчез.

– Хорошо бы нам отправиться в путешествие, – сказал Рай, с трудом выпрямляясь. – Когда турнир кончится.

Келл искренне рассмеялся.

– Я серьезно, – настаивал принц. Язык у него слегка заплетался.

Келл понимал, что Рай не шутит, но хорошо знал, что это невозможно. Королевская семья никогда не выпускала Келла из Лондона, даже когда он находился в других мирах. Говорили, что это для его же безопасности. Возможно, так оно и было, но они оба – и Келл, и Рай – знали, что есть и другая причина.

– Я поговорю с отцом, – сказал Рай. Кажется, он стремительно терял интерес к этой теме. Он снова встал и выскользнул из кабинки.

– Куда это ты? – спросил Келл.

– Принесу еще выпить.

Келл посмотрел на пустой стакан Рая, затем на свой – опустевший лишь наполовину.

– По-моему, нам хватит, – сказал он. Принц, ухватившись за стену, обернулся к нему.

– С каких пор ты говоришь за нас обоих? – рявкнул он с остекленевшими глазами. – Ты, что ли, теперь главный?

Укол достиг цели. Келл вдруг почувствовал невыносимую усталость.

– Ладно, – буркнул он. – Трави нас обоих.

Он потер глаза и поглядел вслед брату. Рай всегда был склонен к излишествам, но никогда не ставил себе целью напиться вдрызг. Так, чтобы даже мысли из головы исчезли. Боги свидетели, у Келла и своих демонов хватало, но он понимал: их в вине не утопишь. Так просто от них не избавиться. И почему он до сих пор не остановил Рая?

Келл пошарил в карманах плаща и достал зажим с тремя тонкими сигарами.

Он никогда не увлекался курением, но, если уж на то пошло, ему и выпивка не очень-то нравилась. Мечтая хоть немного восстановить власть над отяжелевшим телом, он щелкнул пальцами и прикурил сигару от маленького язычка пламени, вспыхнувшего на кончике пальца.

Келл глубоко затянулся. Это был не табак, как в Сером Лондоне, и не жуткая отравка, которую смолили в Белом, а приятные ароматические листья, от которых прояснялась голова и успокаивались нервы. Келл выдохнул, рассеянно глядя сквозь облачко белого дыма.

Послышались шаги. Он поднял голову, ожидая увидеть Рая, но это была молодая женщина, явно из окружения Кисмайры – те же темные выющиеся волосы с золотыми нитями, та же подвеска из «кошачьего глаза» на шее.

– *Аван*, – сказала она нежным, как шелк, голосом.

– *Аван*, – ответил Келл.

Девушка шагнула к нему, прошелестев подолом платья по краю кабинки.

– Госпожа Васрин шлет вам привет. Она передала вам послание.

– Какое же? – спросил он, затянувшись еще раз.

Она улыбнулась и, не успев он и глазом моргнуть, обхватила его щеки ладонями и поцеловала. У Келла перехватило дыхание, его бросило в жар. А девушка отстранилась – немного, только чтобы встретиться глазами, и с ее губ слетело облачко дыма. Он чуть не рассмеялся. А ее губы изогнулись в кошачьей улыбке, глаза всматривались в него – не со страхом или хотя бы с удивлением, нет, в них сквозил восторг. Преклонение. Келл понимал, что должен почувствовать себя самозванцем... но не почувствовал.

Он взглянул на принца, все еще стоявшего у бара.

– И это все, что она сказала? – спросил Келл.

Ее губы дрогнули.

– Ее указания были весьма смутны, *мас авен варес*.

«Мой благословенный принц».

– Нет, – нахмурился он. – Не принц.

– А кто тогда?

– Просто Келл, – ответил он после недолгой паузы.

Она зарделась. Это было слишком – светские правила требовали, чтобы к нему, даже лишенному королевского титула, обращались «мастер Келл». Но и этого он тоже не желал. Хотел быть самым собой.

– Келл, – повторила она, пробуя его имя на вкус.

– А как зовут тебя? – спросил он.

– Асана, – шепнула она, и имя слетело с ее губ, как вздох удовольствия. Она подтолкнула его к скамейке, настойчиво и в то же время робко. И он накрыл ее губы своими. Ее платье было по последней моде стянуто в талии, и его пальцы запутались в лентах, зашнурованных на спине.

– Келл, – услышал он чей-то шепот. Не Асаны, а Дилайлы Бард. Она, как воровка, снова проникла в его мысли и украдала радость мгновения. Воровка и есть. Вернее, была, пока он не

пропустил ее из Серого Лондона в свой. Только боги знают, где она сейчас и что делает, но в его памяти она навсегда останется воровкой, появляющейся в самые неподходящие моменты. «Уходи», – подумал он и сильнее стиснул талию девушки. Асана опять поцеловала его, но его мысли уже уплыли вдаль, в холодную октябрьскую ночь, когда его поцеловали другие губы – перед тем как исчезнуть.

– *Зачем?*

Улыбка – как лезвие ножа.

– *На счастье.*

Он застонал с бессильной горечью, притянул к себе Асану, стал ее целовать горячо, отчаянно, пытаясь изгнать не вовремя явившуюся Лайлу.

– *Мас варес.* – Дыхание Асаны щекотало ему шею.

– Я не... – начал он, но она снова зажала ему рот поцелуем. Его рука нырнула в глубину ее густых волос. А ее ладонь замешкалась возле его груди, потом пальцы скользнули вниз по животу...

Боль.

Резкая и внезапная, она обожгла ему челюсть.

– Что с тобой? – спросила Асана. – Что случилось?

Келл скрипнул зубами.

– Ничего.

«Убил бы своего брата».

Он попытался выбросить Рая из головы, но, едва его губы снова нашли Асану, боль вернулась, на сей раз вцепившись в бедро.

На миг у Келла мелькнула мысль, что Рай, возможно, нашел себе еще одно увлекательное любовное приключение. Но боль накатилась в третий раз, теперь поперек ребер, такая острая, что перехватило дух, и надежда испарилась.

– *Санкт!* – выругался он и высвободился из объятий Асаны, бормоча извинения. Он встал слишком резко, и комната покачнулась. Он прислонился к стене и оглядел таверну. В какую переделку принц ввязался на этот раз?

И тут он увидел у бара стол, за которым недавно сидели трое болтунов. Он был пуст. В «Благодатные воды» вели две двери, передняя и задняя. Он выбрал вторую и выскочил на улицу с быстротой, которая удивила его самого, если учесть, сколько он выпил. Но боль и холод быстро отрезвляют, и, стоя в заснеженном переулке, он почувствовал, что магия снова заструилась в венах, готовая к бою.

Первое, что Келл увидел, была кровь.

Потом – нож принца, валявшийся на мостовой.

Те трое загнали принца в угол. У одного на руке темнел свежий порез. У другого – рана на щеке. Рай, видимо, успел зацепить их, но потом у него выбили оружие, и теперь ему заламывали руки, а из носа лилась кровь. Они, похоже, не знали, кто он такой. Одно дело – перемывать принцу косточки, но поднять на него руку...

– Будешь знать, как мне морду резать! – рычал один.

– Тебе идет, – прохрипел Рай сквозь стиснутые зубы. Келл не поверил своим ушам. Рай еще и насмеялся над ними!

– Нарываешься!

– И нарвешься.

– Сомневаюсь, – закашлялся принц.

Он повернул голову к Келлу, еле заметно улыбнулся и проговорил окровавленными губами:

– Эй, привет, – как будто они случайно встретились на улице. Как будто не его бьют смертным боем на задворках «Благодатных вод». И как будто Келл в этот самый миг не борется

с искушением подождать, пока эти трое хорошенько отделают его за то, что у него хватило глупости ввязаться в эту драку (а Келл не сомневался, что затеял ее принц). Искушение подпитывалось тем, что громилы, хотя и не знали этого, не смогли бы убить его. Таково было заклятие, навеки впечатанное в их с Раем кожу. Принца Рая невозможно было убить. Потому что соединяла их не его жизнь, а Келла. И пока Келл жив, с принцем ничего не случится.

Но его могли очень больно побить, а этого Келл допускать не хотел.

– Привет, братец, – сказал он, скрестив руки.

Двое нападавших обернулись к Келлу.

– *Керс ла?* – усмехнулся один. – Собачонка этого хлыща прибежала, чтобы кусать нас за пятки?

– По-моему, он не кусачий, – отозвался другой.

Третий даже не повернул головы. Рай сказал им что-то обидное – Келл не расслышал, – и громила замахнулся ногой, метя принцу в живот. Но пинок не достиг цели. Келл стиснул зубы, и человек застыл с ногой в воздухе – его мышцы внезапно одеревенели.

– Что еще за...

Келл нахмурился, человек отлетел в сторону и ударился о стену. Он со стоном сполз наземь, а остальные смотрели на него с изумлением и ужасом.

– Так нельзя... – потрясенно пробормотал один. И дело не в том, что Келл был способен на такое; главное, что он на это отважился. Это было редкое и опасное искусство, магия костей, строго запрещенная, потому что она нарушала один из главных законов страны – никто не имеет права использовать магию, умственную или физическую, чтобы подчинить себе другого человека. А тем, кто владел этим искусством, строго рекомендовали его забыть. Ослушника сковывали полным набором ограничителей.

Обыкновенный маг не стал бы так рисковать.

Но Келл не был обыкновенным магом.

Он вскинул голову, чтобы противники увидели его глаза, и сполна насладился их ужасом. Потом послышались шаги, в переулочек хлынула целая толпа. Злые, пьяные, с оружием. В душе у Келла что-то шевельнулось.

Сердце заколотилось быстрее, по жилам заструилась магия. Он почувствовал что-то на лице и не сразу понял, что улыбается.

Он выхватил спрятанный кинжал и одним движением рассек ладонь. Тяжелыми красными каплями на камни упала кровь.

– *Ас исера*, – сказал он, и кровь мгновенно подчинилась. Над переулком пронеслась дрожь.

И землю сковал мороз.

Сначала замерзли капли крови, потом камни под ногами стали покрываться изморозью. Мгновение – и все, кто был в переулке, оказались на льду. Кто-то сделал шаг, поскользнулся, взмахнул руками и рухнул. Но у другого, видимо, сапоги были лучше – он уверенно шагнул вперед. Но и Келл не мешкал. Он присел, прижал кровоточащую ладонь к камням и проговорил:

– *Ас стено*.

«Разбейся».

Ночную тишину разорвал треск, прозрачная льдина содрогнулась. Из-под ладони Келла разбежались трещины. Он встал – и осколки потянулись за ним. Они зависли в воздухе, острые, как ножи, целясь во все стороны, будто лучи мертвенного света.

В переулке наступила тишина. Нападавшие застыли – и не потому, что так приказал Келл, а от страха. Так им и надо. Он уже не чувствовал ни опьянения, ни холода.

– Эй, ты, – пролепетал один, поднимая руки. – Перестань.

– Нечестно это, – тихо буркнул второй. Возле его горла в воздухе трепетал острый осколок льда.

– О честности заговорили? – переспросил Келл, удивляясь твердости своего голоса. – А трое на одного – честно?

– Он первый начал!

– А восемь против двоих – честно? – продолжал Келл. – Сдается мне, перевес в вашу пользу.

Висящие ледяные осколки медленно двинулись вперед. Послышались крики ужаса.

– Мы только защищались!

– Мы же не знали!

У задней стены выпрямился Рай.

– Келл, послушай...

– Сиди смирно! – цыкнул на него Келл. – Ты уже наломал дров.

Острые, как стекло, осколки льда медленно поплыли по воздуху, с убийственной точностью нацелились на двоих из трех нападавших, зависли, трепеща, возле горла, сердца, живота. Люди, затаив дыхание, ждали, что будет дальше.

Что сделает Келл.

Хватит легкого взмаха руки – и со всеми, кто есть в переулке, будет покончено.

«Стой», – вдруг услышал он еле слышный голос.

«Стой».

И внезапно, гораздо громче, голос Рая, хрипло рвущийся из горла:

– Келл, стой!

Маг пришел в себя, осознав, что держит в руках жизни восьми человек и чуть не оборвал их. Не за то, что они напали на Рая – тот, скорее всего, сам напросился, – и не потому, что они плохие люди, хотя и это вполне вероятно.

А просто потому, что у него были на это силы, потому что так приятно ощущать свою власть над ними.

Келл перевел дыхание, опустил руку, и осколки льда посыпались на мостовую, разбились вдребезги. Заклятие развеялось, люди зашевелились, попятились, ругаясь вполголоса.

Один упал наземь, дрожа всем телом.

Другого стошнило.

– Прочь отсюда, – тихо бросил Келл.

И они послушались. Мгновение, их и след простыл.

Они и без того считали его чудовищем, а теперь он подтвердил, что их страхи не напрасны. Дальше будет только хуже. Какая разница? Что бы он ни делал, становилось только хуже.

Он побрел к Раю, осколки льда хрустели под ногами. Принц сидел, привалившись к стене, и взгляд у него был мутный – скорее от выпивки, чем от побоев. Кровь из носа и губы остановилась, в остальном лицо не пострадало. Келл прислушался к себе в поисках отзвуков боли и обнаружил лишь пару ушибленных ребер.

Он помог принцу встать на ноги. Рай сделал шаг, пошатнулся, и Келл подхватил его.

– Опять ты меня выручил, – пробормотал Рай, опуская голову Келлу на плечо. – Не даешь мне упасть.

– Чтобы ты, падая, утащил меня за собой? – проворчал Келл, подхватывая принца под мышки. – Пойдем, братец. Хватит развлечений на сегодня.

– Прости, – шепнул Рай.

– Ладно уж.

По правде, Келл не мог забыть чувство, охватившее его во время драки. Маленькая яростная частица его души искренне наслаждалась боем. Он не мог забыть улыбку, которая была его собственной и в то же время совершенно чужой.

Келл содрогнулся и повел брата домой.

IV

Стражники ждали их в вестибюле.

Келл тащил принца всю дорогу до дворца, потом вверх по лестнице через Цистерну и только потом наткнулся на них – двое стражников принца, двое его собственных, и вид у всех четверых был смущенный.

– Вис, Тольнерс, – наигранно легким тоном бросил Келл. – Помогите-ка мне.

Как будто он тащил мешок зерна, а не наследного принца Арнса.

Стражники Рая были бледными от гнева и беспокойства, но не тронулись с места.

– Стафф, Гафра! – воззвал Келл к своим людям и встретил каменное молчание. – Ладно, прочь с дороги, я сам донесу.

Он потащил брата мимо стражи.

– Это кровь принца? – спросил Вис, указывая на рукав, которым Келл вытирал лицо Рая.

– Нет, – соврал он. – Только моя.

При этих словах люди Рая заметно расслабились, и Келла это встревожило. Вис по натуре был беспокоен, вечно щетинился, а Тольнерс абсолютно бесчувственный и невозмутимый офицер с тяжелой челюстью. Оба раньше служили у самого короля Максима и относились к выходкам принца с куда меньшей терпимостью, чем их предшественники. Что касается охраны Келла – Гафра был молод и усерден, а из Стаффа лишнего слова не вытащишь ни при Келле, ни в своей компании, и в первый месяц Келл не понимал – то ли стражник ненавидит его, то ли боится, то ли все вместе. Потом Рай рассказал ему, что у Стаффа сестра погибла в Черную ночь, и Келл понял: все вместе.

– Он хороший стражник, – пояснил Рай, когда Келл спросил, зачем к нему приставили такого человека. И, помолчав, мрачно добавил: – Это был выбор отца.

Теперь, когда вся компания прибыла в крыло, которое занимали братья, Тольнерс достал записку и протянул Келлу.

– Не смешно.

Оказывается, у Рая хватило совести приколоть к двери бумажку, чтобы во дворце не беспокоились: *«Меня не похитили. Пошел выпить с Келлом. Сидите мирно»*.

Покои принца находились в конце коридора, за резными дверями. Келл пинком распахнул их.

– Не шуми, – пробормотал Рай.

– Мастер Келл, – предупредил Вис, входя вслед за ним. – Я настаиваю, чтобы вы прекратили эти...

– Я его не заставлял.

– Но вы допустили...

– Я ему брат, а не сторож, – огрызнулся Келл. Он знал, что в нем с детства видят не только приятеля, но и защитника Рая, но задача оказалась непростой. И вообще, разве мало он сделал?

Тольнерс нахмурился.

– Король и королева...

– Уйди, – вставил Рай, приподнимаясь. – Голова болит...

– Ваше высочество, – начал Вис, протягивая руку.

– Прочь! – рявкнул принц с внезапной злостью. Стражники отпрянули, потом вопросительно взглянули на Келла.

– Слышали, что сказал принц? – буркнул тот. – Убирайтесь. – И перевел взгляд на своих людей. – Все до единого.

Как только двери закрылись, Келл оттащил принца к кровати.

– Вот привязались, – пробормотал он.

Рай бессильно перекатился на спину, прикрыл рукой глаза.

– Прости... прости... – тихо повторил он, и Келл с дрожью вспомнил ту страшную ночь, когда принц истекал кровью, а они с Лайлой тащили его в безопасное место, и тихое «прости» угасало в мертвенной тишине, и...

– Это я виноват... – Голос Рая вернул его к реальности.

– Замолчи. – Келл опустил в кресло возле кровати.

– Я только хотел... как раньше...

– Знаю. – Келл протер глаза. – Знаю.

Он сидел, пока Рай не затих, погрузившись в сон, потом встал. Комната слегка покачнулась. Келл удержался на ногах, схватившись за резные столбики кровати, потом побрел к себе. Не через коридор, где ждали стражники, а по потайному ходу, соединявшему спальню. При появлении Келла лампы радостно вспыхнули. Магия далась легко и без усилий, но со светом в комнате не стало уютнее. Странно, но Келл никогда не чувствовал себя здесь как дома. Эта комната жала ему, как тесный костюм.

Эта спальня предназначалась для королевских особ. Потолок обтянут складчатой тканью цвета ночи, у стены изящный столик. Диван и кресла, серебряный чайный прибор, стеклянные двери на балкон, припорошенный снегом. Келл скинул плащ, вывернул несколько раз, возвращаясь к королевскому красному цвету, потом бросил на кушетку.

Келл скучал по своей маленькой комнатке на верхнем этаже «Рубиновых полей», с шершавыми стенами, узкой койкой и неумолчным шумом, но и комната, и таверна, и старуха, владевшая ею, – все они были уничтожены Холландом несколько месяцев назад, и у Келла не было сил искать новое пристанище. Та комната была его тайной, а он пообещал королевской семье – и Раю, – что перестанет заводить от них секреты.

Он скучал по той комнате – только там он обретал покой. Но к грусти примешивалось и другое чувство. Он получил по заслугам. Другие по его вине потеряли гораздо больше.

Поэтому Келл оставался в королевских покоях.

На возвышении стояла кровать – бархатный матрас и целое море подушек. Но Келл опустил в свое любимое кресло. Он отыскал его в одном из дворцовых кабинетов и притащил сюда. Изрядно потрепанное по сравнению с остальной обстановкой, оно стояло возле балконных дверей, за которыми теплым красноватым светом мерцал Айл. Келл щелкнул пальцами, лампы погасли, наступила темнота.

Здесь, в сиянии реки, его усталые мысли, как обычно, вернулись к Дилайле Бард. Перед его внутренним взором она представала сразу в трех обликах. Тощая уличная воровка, обчистившая его в переулке; залитая кровью боевая подруга, сражавшаяся бок о бок с ним; и невозможная девчонка, которая ушла и ни разу не оглянулась.

«Где же ты, Лайла? – думал он. – И в какую еще переделку успела ввязаться?»

Келл вытащил из заднего кармана платок. Этот небольшой клочок материи дала ему в темном переулке девчонка, переодетая мальчиком, дала, чтобы легким движением руки обчистить его карманы. С помощью этого платка он не раз находил ее; может быть, и сейчас сумеет. А может, этот клочок теперь принадлежит больше ему, чем ей. Интересно, куда он попадет, если все-таки удастся?..

Он сердцем чувствовал, что она жива, иначе и быть не может, и завидовал ей. Завидовал тому, что девчонка из Серого Лондона странствует где-то по его родному миру, по местам, каких он, здешний житель, антари, никогда не видал.

Келл отложил платок, закрыл глаза и стал ждать, когда наступит сон.

И тогда она приснилась ему. Он увидел ее у себя на балконе, она стояла и манила его: выходи, поиграем! Во сне он держал ее за руку, и поток энергии соединял их пальцы. Во сне они бежали по незнакомым улицам городов, где он никогда не бывал и вряд ли побывает. И она была с ним, рядом, тянула его навстречу свободе.

V

Белый Лондон

Ожка всегда была грациозна.

И когда танцевала. И когда убивала.

Солнечные лучи разбегались по каменным плитам, и она кружилась в искристых сполохах. Ножи рассекали воздух, то взметались, то опадали, привязанные к ладоням длинным черным шнуром.

Ее волосы, когда-то светлые, теперь полыхали огнем, красным как кровь, резко оттеняя фарфоровую белизну лица. Волосы порхали вокруг ее плеч, когда она, гибкая и тоненькая, кружилась и изгибалась посреди смертельного круга. Ожка танцевала, и металл, идеальный партнер, двигался в такт ее текучим движениям. И все это время глаза ее были плотно закрыты. Она знала этот танец наизусть, выучила еще в детстве, на улицах Кочека – самой страшной части Лондона. Освоила в совершенстве. В этом городе на одной удаче долго не продержишься. Особенно если у тебя обещает проявиться сила. Стервятники почуют ее, перережут горло, чтобы пожить каплями волшебства, кипящими у тебя в крови. И плевать им, что ты маленькая. Тем легче поймать тебя и прикончить.

Но Ожка выдержала. Кулаками и кинжалами проложила себе дорогу сквозь Кочек. Выросла, повзрослела, осталась в живых посреди города, который отнимает жизнь у всего живого. И у всех.

Но это осталось в прошлом. Теперь все иначе.

При каждом движении сквозь кожу проступали темные линии вен. Ожка чувствовала, как струится в ней волшебство, как бьется вторым пульсом, в одном ритме с ее собственным. Поначалу оно обжигало, и Ожка боялась, что сгорит в этом огне, как сгорели многие. Но потом сдалась. Тело прекратило борьбу, и сила тоже успокоилась. Ожка раскрыла объятия, и в тот же миг сила окутала ее, и дальше они танцевали вместе, пылали вместе, сплавлялись воедино, как прочная сталь.

Клинки – продолжения рук – пели в воздухе. Танец подходил к концу.

И вдруг она ощутила зов. Он вспыхнул в голове горячей волной.

Она остановилась – не внезапно, нет-нет, очень плавно. Накрутила на руки черный шнур, и рукояти ножей ласково ткнулись в ладони. И только потом медленно открыла глаза.

Один желтый.

Другой черный.

Это значило, что она – избранная.

Она была не первой, но это не имело значения. Главное – остальные оказались слишком слабы. Первый продержался всего несколько дней. Второй едва протянул неделю. Но Ожка – дело другое. Она сильная. Она все выдержала. Выдержит и дальше. Будет жива, пока от нее есть польза.

Так пообещал король, когда избрал ее.

Ожка обмотала клинки шнуром и сунула оружие в кобуру на поясе.

С кончиков алых волос струился пот. Она отжала их, накинула куртку, застегнула плащ. Пальцы, выпустив пряжку, пробежались по шраму, который тянулся от горла вверх и пересекал щеку, заканчиваясь прямо под королевской печатью.

Когда магия наполнила ее мускулы силой, кровь – теплом, а волосы – цветом, она боялась, что шрам исчезнет. Но нет. Он остался. И хорошо. Она честно заслужила свои шрамы. И этот, и все остальные, щедро покрывавшие тело.

В голове снова вспыхнул призыв, и она вышла из круга. День был холодный, но не промозглый, и над головой сквозь облака проглядывало голубое небо. Голубое. Не морозно-белесое, под которым она выросла, а по-настоящему синее. Как будто даже небо оттаивало. И Сиджлт тоже оттаивал, с каждым днем очищался ото льда, открывая полыньи с серовато-зеленой водой.

Куда ни кинь взгляд, мир пробуждался.

Оживал.

От этой картины кровь заструилась быстрее. Ожка вспомнила, как однажды побывала в лавке и увидела сундук, покрытый пылью. Она провела по нему пальцами, стирая серую пелену, и под ней обнаружилось темное дерево. Вот и сейчас так же, подумала она. Пришел король и провел рукой по городу, стряхнув пыль.

Потребуется время, сказал он. Грядут перемены. Ничего, она готова ждать.

Всего одна дорога отделяла ее нынешний дом от высоких стен замка. Ожка пересекла улицу и бросила взгляд на реку, на городские кварталы за ней. Из глубин Кочека до ступеней замка – вот какой долгий путь она прошла.

Ворота были открыты, по каменным стенам карабкались свежие лозы. Ожка коснулась небольшого пурпурного бутона и переступила порог.

Там, где когда-то тянулся Крёс Мект, Каменный лес, серое скопление каменных мертвецов у подножия замка, теперь, невзирая на зимний холод, пробивалась зеленая трава. Здесь остались только две статуи, обрамляли с боков дворцовую лестницу, словно часовые. Так приказал новый король – не для острастки, а как напоминание о ложных клятвах и павших тиранах.

Беломраморные фигуры изображали былых правителей – Атоса и Астрид Дан. Обе фигуры стояли на коленях. Атос Дан смотрел на хлыст, обвивавший его ладони, будто змея, и лицо его кривилось от боли. А Астрид сжимала рукоять кинжала, глубоко ушедшего ей в грудь, и рот был распахнут в беззвучном, бессмертном крике.

Статуи были страшные, некрасивые. Не то что новый король.

Новый король был совершенством.

Новый король был избранным.

Новый король был богом.

А Ожка? Она встречала взгляд его прекрасных глаз и понимала, что он тоже видит красоту в ней, с каждым днем все больше и больше.

Она поднялась на вершину лестницы и вошла в замок.

Ожка слышала рассказы о стражниках с пустыми глазами, служивших под началом Данов, о людях, у которых похитили разум и душу, оставив взамен лишь пустые оболочки. Но их уже не было, и замок стоял открытым, непривычно пустым. В первые недели после падения Данов его брали штурмом, захватывали, удерживали, снова теряли, но теперь от побоищ не осталось и следа. В замке царил покой.

Навстречу попадались слуги и служанки со склоненными головами, появлявшиеся и исчезающие, и с десятков стражников, но их глаза не были пустыми. И двигались они осмысленно, в жестах сквозила преданность, которую Ожка понимала и разделяла. Это было возрождение, на их глазах оживала легенда, и все они в этом участвовали.

Она шла через замок, и никто ее не останавливал.

Наоборот, при ее появлении одни падали на колени, другие кланялись и шептали благословения. А когда она дошла до тронного зала, двери распахнулись, и за ними ее ждал король. Сводчатый потолок, когда-то нависавший над залом, исчез, массивные стены и колонны уходили в открытое небо.

Ее шаги гулко стучали по мраморному полу.

Неужели он и вправду раньше был сделан из костей? Или это всего лишь сказка? До Ожки доходили только слухи. Она была хитра, носа не высовывала из Кочека, в правление Данов всячески старалась не попадаться им на пути. О близнецах ходило немало легенд, и все они были кровавые.

Король стоял перед тронном и смотрел на ровный круг магического бассейна у своих ног. Блестящая черная гладь завораживала Ожку – почти так же сильно, как и человек, который отражался в ней.

Почти.

Потому что в нем было то, чего не доставало черной чаше. Под внешним спокойствием бурлила энергия. Ожка чувствовала ее даже на другом конце зала, содрогалась под ее набегавшими волнами. Он источал силу.

Жизнь в этом городе только-только начала давать ростки, а в короле она уже распустилась пышным цветом.

Он был высок и силен, под изысканным нарядом бугрились могучие мускулы. Откинутые назад черные волосы, высокие скулы, крепкие челюсти. Губы слегка кривились, меж бровей пролегла еле заметная складка. Он задумчиво смотрел в бассейн, сцепив руки за спиной. Руки... Она вспомнила день, когда эти руки коснулись ее, одна прижалась к затылку, другая прикрыла глаза. Уже тогда она чувствовала силу, трепетавшую в его теле, мечтала о ней, нуждалась в ней, как в воздухе.

Почти касаясь губами ее уха, он заговорил:

– Ты принимаешь силу?

– Принимаю, – ответила она. И в тот же миг ее захлестнула волна. Жгучий жар, тьма, боль... Потом вернулся его голос, снова такой близкий. Он сказал:

– Перестань бороться, Ожка. Впусти силу.

И она покорилась.

Он избрал ее, и она не подведет. Ведь о нем говорилось в пророчестве – однажды придет спаситель. И она всегда будет рядом с ним.

– Ожка, – сказал он, не поднимая глаз. В его устах ее имя прозвучало, словно заклинание.

– Ваше величество, – отозвалась она и преклонила колени.

Его взгляд медленно поднялся.

– Ты же знаешь, я не люблю титулов. – Он обогнул бассейн. Она выпрямилась и встретила взгляд его пронзительных глаз – один был зеленый, другой черный. – Зови меня Холланд.

Глава 3

Обращая вспять

I

Красный Лондон

Кошмар начался как обычно: Келл стоит в людном месте – иногда в таверне «В двух шагах», иногда в Каменном лесу перед крепостью Данов или в Лондонском святилище – среди толпы и при этом одиноко.

Сегодня он очутился посреди Ночного рынка.

Народу было много, куда больше обычного, люди плечом к плечу теснились вдоль берега реки. На миг вдали показался Рай, но не успел Келл окликнуть брата, как тот растворился в толпе.

Вдруг неподалеку он увидел темноволосую стриженую девушку, окликнул: «Лайла?» – но, едва сделал шаг, как толпа поглотила и ее. Все кругом казались знакомыми и в то же время чужими, мелкие частички в колышущейся людской массе.

Потом, словно удар, – копна белых волос: сквозь толпу по-змеиному скользила бледная фигура Атоса Дана. Келл зарычал, потянулся за ножом, но у него на руке сомкнулись холодные пальцы.

– А, цветочный мальчик! – проворковал голос над ухом. Он обернулся и увидел Астрид, покрытую трещинами, словно кто-то собрал ее расколотое тело из кусочков. Келл отшатнулся, но толпа сгустилась еще сильнее, его толкнули в спину. Когда он пришел в себя, Даны уже исчезли.

Вдалеке опять мелькнул Рай. Он озирался, будто искал кого-то, произнес какое-то имя, но Келл его не расслышал.

На Келла налетел еще один незнакомец.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Прошу...

Слова рассыпались бесконечным эхом: люди проталкивались мимо, будто не замечая, будто его здесь и не было. Потом, стоило ему подумать, все замерли на ходу, обратив к нему лица, и на каждом были написаны гнев, и страх, и боль.

– Простите, – снова сказал он, поднял руки и увидел, что вены окрашиваются в черный цвет. – Не надо, – прошептал он, глядя, как магия рисует свой след. – Не надо, пожалуйста. – Тьма бурлила в крови, поднимаясь все выше. Толпа снова пришла в движение, но не отстранилась, а наоборот, стала наступать. – Уйдите, – взмолился он и хотел убежать, но ноги не слушались.

– Поздно, – донесся откуда-то голос Холланда. – Раз уж ты впустил ее, тебе конец.

С каждым ударом сердца магия проникала все глубже. Келл попробовал отогнать ее, но она уже засела в голове, заговорила голосом витари.

«Впусти меня».

Тьма проникла в сердце, и рвущая боль ударила в грудь. Где-то вдалеке Рай упал без чувств.

– Нет! – закричал Келл и ринулся к брату, бессильно, отчаянно. Рука задела кого-то поблизости, и тьма, словно огонь, перескочила с его пальцев в грудь случайного прохожего. Тот содрогнулся всем телом и рассыпался в пепел. Со всех сторон вокруг него люди падали один за другим. Смерть покатилась по толпе, как волна, неслышно поглощая всех на своем пути. Посыпались здания, рухнули мост и дворец. Келл остался один посреди опустевшего мира.

В тишине послышался звук – не всхлип и не вскрик, а смех.
Келл не сразу узнал этот голос.
Смеялся он сам.

Келл вырвался из тисков сна, хватая воздух ртом.

Из-за дверей пробивались солнечные лучи, отражаясь от свежего снега во дворе. Яркий свет резнул глаза; он зажмурился, прижал ладонь к груди и стал ждать, когда успокоится сердце.

Оказывается, он уснул в кресле, одетый. Голова после вчерашних излишеств раскалывалась.

– Чертов Рай, – буркнул он и с трудом поднялся на ноги. Голова гудела, болью откликаясь на все, что происходило за окном. Удары, которые вчера достались ему – точнее, принцу, – остались в прошлом, но последствия попойки оставались весьма чувствительными, и Келл подумал, что лучше уж резкая, но недолгая боль от раны, чем тяжкие, бесконечные муки похмелья. Он плеснул холодной водой в лицо, оделся, утешаясь лишь надеждой на то, что принцу сейчас еще хуже.

За дверями стоял на страже суровый воин с седеющими висками. Келл поморщился. Он всегда надеялся увидеть Гастру, но ему присылали Стаффа. Того, кто его терпеть не может.

– Доброе утро, – поздоровался Келл, проходя мимо.

– Добрый день, – поправил его Стафф (или Серебряный, как прозвал Рай стареющего стражника) и зашагал следом. Когда после Черной ночи к Келлу приставили Стаффа и Гастру, он не обрадовался, но и не удивился. В конце концов, не стражники виноваты в том, что король Максим больше не доверяет своему антари. Точно так же и Келл не виноват, что стражники не всегда могут уследить за ним.

Он нашел Рая в солярии – внутреннем дворике под стеклянной крышей. Королевская семья завтракала. Принц переносил похмелье на удивление стойко, хотя Келл чувствовал, как пульсирует в голове боль брата вместе с его собственной, и отметил, что принц сел спиной к стеклянным панелям, из-за которых лился яркий солнечный свет.

– Келл! – бодро приветствовал его Рай. – Я уж думал, ты до вечера проспешь.

– Прошу прощения, – сухо ответил Келл. – Кажется, я вчера ночью немного перебрал.

– Добрый день, Келл, – промолвила королева Эмира, изящная дама с кожей цвета полированного дерева и золотым обручем на черных как смоль волосах. Ее тон был добрым, но отстраненным, и казалось, прошло много недель с тех пор, как она протянула руку и коснулась его щеки. На самом деле прошло намного больше. Почти четыре месяца миновало после Черной ночи, когда Келл тайком пронес в город черный камень, и магия витари вихрем прокатилась по улицам, и Астрид Дан вонзила кинжал в грудь Рая, и Келл отдал частичку своей жизни, чтобы вернуть принца.

«Где наш сын?» – спросила она тогда, как будто сын у нее был только один.

– Надеюсь, ты хорошо отдохнул, – сказал король Максим, поднимая глаза от вороха бумаг.

– Да, сэр. – На столе лежали фрукты и хлеб. Келл тяжело опустился в кресло. К нему подошел слуга с серебряным кувшином и налил горячего чая. Келл осушил чашку одним глотком, обжигая губы. Слуга посмотрел внимательно и оставил кувшин рядом – незаметный жест, за который Келл был очень ему благодарен.

За столом сидели еще двое – мужчина и женщина в одеждах разных оттенков красного, с золотыми фибулами в виде печати Марешей с чашей и восходящим солнцем. Фибулы говорили о том, что это друзья короны, они открывали вход во дворец и призывали слуг и стражников оказывать их носителям не только сердечный прием, но и всяческое содействие.

– Добрый день, Парло, Лисане, – приветствовал их Келл. Это были остра, помогавшие организовывать турнир, и Келлу казалось, что в последние недели он видит их чаще, чем короля и королеву.

– Мастер Келл, – дружно поклонились они с дежурными улыбками и точно отмеренной вежливостью.

На столе была расстелена карта дворца и окрестностей, один угол прижат тарелкой с пирожными, другой – чашкой чая. Лисане указывала на южное крыло.

– Принц Коль и принцесса Кора разместятся здесь, в изумрудных покоях. За день до их приезда будут выращены свежие цветы.

Принц Рай выразительно посмотрел на брата через стол, но Келл так устал, что даже не пытался разгадать смысл его взгляда.

– Лорд Сол-ин-Ар, – продолжала Лисане, – поселится в западном зимнем саду. Мы, по вашим указаниям, свезли туда побольше кофе и...

– А что же вескийская королева? – проворчал король Максим. – Или фараонский король? Почему они не почтили нас своим присутствием? Не доверяют? Или у них нашлись дела поважнее?

Эмира нахмурилась:

– Они выбрали достойных посланников, которые будут их представлять.

– Мама, – усмехнулся Рай, – у вескийской королевы Ластры семеро детей, ей нетрудно на время одолжить нам парочку. А у фараонцев лорд Сол-ин-Ар – известный задира, последние два десятка лет разжигает недовольство везде, где только может, надеясь скинуть с трона своего братца и захватить власть в Фаро.

– С каких это пор ты стал интересоваться имперской политикой? – поддел его Келл, приступая к третьей чашке чая.

К его удивлению, Рай сурово нахмурился.

– Я интересуюсь своим королевством, брат. И тебе советую.

– Я не принц, – ответил Келл. У него не было настроения терпеть насмешки брата. – Я всего лишь тот, кто подчищает за ним.

– Как будто сам никогда ни во что не вляпывался!

Они впились друг в друга горящими взглядами. Келл боролся с искушением ткнуть себя вилкой в ногу, чтобы посмотреть, как брат поморщится от боли.

Что с ними случилось? Они никогда не были жестоки друг к другу. Но, видимо, боль и радость – не единственное, что передается через магическую связь. Страх, раздражение, гнев – все это пульсирует на невидимой струне, многократно усиливаясь. Рай всегда отличался переменчивым настроением, и теперь Келл сполна ощущал скачки его темперамента, и это бесило. Расстояние между ними не имело никакого значения. Они могли сидеть бок о бок или находиться в разных мирах – спасения не было.

Магическая связь все больше и больше напоминала цепь.

Королева Эмира кашлянула.

– Мне кажется, лорду Сол-ин-Ару больше подойдет восточный зимний сад. Он лучше освещен. Но как же быть со слугами? Вескийцы всегда путешествуют с полным комплектом...

Королева разрядила атмосферу, опытной рукой направив беседу в другое русло, но в воздухе повисло слишком много невысказанных слов. Келл встал и шагнул к двери.

– Ты куда? – спросил король Максим, передавая бумаги слуге.

Келл обернулся:

– Хотел понаблюдать за строительством плавучих арен, ваше величество.

– С этим справится Рай, – ответил король. – У меня для тебя поручение. – Он протянул Келлу конверт. До этой минуты Келл и не догадывался, как ему хочется сбежать – не только из дворца, но и из города, из этого мира.

Адреса не было, но он и без того прекрасно знал, куда следует доставить письмо. Трон Белого Лондона стоял пустым, и страну впервые за семь лет раздирали войны за власть, поэтому контакты были приостановлены. Келл побывал там всего один раз, в первые недели после свержения близнецов Данов, и чуть не лишился жизни, после чего было решено на время оставить Белый Лондон в покое.

Значит, Серый Лондон. Примитивный мир без магии, полный угольного дыма и прочного старого камня.

– Я отправляюсь немедленно. – Келл подошел к королю.

– Будь осторожен с принцем-регентом, – предостерег король. – Эта переписка – дань традиции, но его вопросы становятся все назойливее.

Келл кивнул. Ему часто хотелось спросить короля Максима, что он думает о правителе Серого Лондона. Интересно, о чем пишет регент? Расспрашивает ли короля-соседа столь же въедливо, как и Келла?

– Он хочет как можно больше узнать о магии, – сообщил он королю. – Я изо всех сил стараюсь не давать прямых ответов.

– Он глупый человек, – сказал король. – Будь осторожен.

Келл приподнял бровь. Неужели король Максим и вправду заботится о его безопасности? Но, протянув руку за письмом, он заметил в глазах короля недоверие и приуныл. Максим не прощает старых обид. Они для него как шрамы – со временем блекнут, но никогда не исчезают совсем.

Келл понимал, что сам виноват. Много лет он, путешествуя в ранге королевского посланца, тайком переносил из мира в мир запрещенные предметы. Не будь у Келла репутации контрабандиста, черный камень никогда не попал бы к нему в руки. Не погубил бы множество людей, не погрузил бы Красный Лондон в хаос. Может быть, Даны нашли бы и другой путь, но Келл был бы к этому непричастен. А он оказался пешкой, глупцом, и теперь расплачивался за это, точно так же, как и Рай расплачивается за свою роль – за талисман обладания, который впустил Астрид Дан в его тело. В конечном счете виноваты оба. Но король по-прежнему любит Рая. Королева по-прежнему рада его видеть.

Эмира протянула второй конверт, потоньше. Записка для короля Георга. Дань вежливости, не больше, но дряхлый король дорожил этими посланиями, и Келл тоже. Больной король и не догадывался, какими короткими они стали, и Келл не собирался ему это открывать. Он сплетал для старика долгие витиеватые рассказы об арнезийских правителях, о подвигах принца, о жизни самого Келла при дворе. Может быть, в этот раз он расскажет Георгу о турнире. Король будет доволен.

Он взял письма, шагнул к дверям, уже сочиняя в уме рассказ, и вдруг Максим остановил его:

– В каком месте думаешь вернуться?

Келл едва заметно насторожился. Этот вопрос давал понять, что отныне он на коротком поводке.

– Дверь откроется у выхода из Нареш Каса, возле южного края Рынка.

Король бросил взгляд на Стаффа, ожидавшего у двери, и тот кивнул: слышал, мол.

– И не опаздывай, – приказал Максим.

Келл отвернулся, оставив королевскую семью обсуждать гостей турнира, постельное белье для них и их предпочтения – кто любит кофе, кто – крепкий чай или вино.

В дверях солярия он оглянулся и поймал взгляд Рая, в котором, кажется, читалось «прости», а может быть, «проваливай» или даже «поговорим позже». Келл спасся бегством, сунув письма во внутренний карман. Он стремительно пересек дворцовые залы, вернулся к себе и скрылся в небольшой задней комнате, плотно закрыв за собой дверь. Рай, вероятно, держал бы в такой кладовке обувь или пряжки для плаща, но Келл оборудовал здесь небольшую, хорошо

продуманную библиотеку, где хранил тексты по магии. Тут были книги и по философии магии, и практические руководства, что-то подарено мастером Тиреном, что-то взято из королевской библиотеки, но были тут и дневники самого Келла, заметки о кровавой магии антари, о которой мало что было известно. Одну тонкую черную тетрадку он посвятил витари – черной магии, которую он открыл, разбудил и уничтожил год назад. В этой тетради вопросов было гораздо больше, чем ответов.

На обратной стороне двери виднелось с полдюжины символов, старательно нарисованных кровью, – ярлыки, ведущие в разные места города. Одни потускнели от редкого использования, другие были свежими. Один из символов – круг, перечеркнутый двумя линиями, – вел в святилище Тирена на другом берегу. Келл обвел метку пальцем, и ему живо вспомнилось, как Лайла помогала тащить умирающего Рая. Другая метка вела в личную комнату Келла в «Рубиновых полях» – единственное место в городе, которое он по-настоящему мог назвать своим. Теперь от него не осталось и следа.

Келл осмотрел дверь и нашел символ, который искал: звезду из трех пересекающихся линий.

Эта метка притянула за собой другие воспоминания. Старый король в запертой каморке, его скрюченные пальцы сжимают красную монету, а губы шепчут что-то об утасаживающей магии.

Келл достал кинжал, спрятанный под манжетой, и царапнул запястье. Выступила кровь, густая и красная. Он обмакнул палец и заново обвел метку. Закончив, прижал ладонь к символу и произнес:

– *Ас тасцен.*

«Перенеси»

И шагнул вперед.

Мир вокруг его ладони стал мягким и прогнулся, он вышел из полутемной библиотеки в солнечный свет, такой яркий, что полузатихшая боль в голове вспыхнула с новой силой. Келл стоял в точно рассчитанном месте посреди внутреннего двора. Он был еще не в Сером Лондоне, а в саду одного из остро, в уютной деревушке под названием Дисан, знаменательной не своими плодовыми деревьями или стеклянными статуями, а тем, что в Сером Лондоне на этом же месте стоял Виндзорский замок.

На этом же самом месте.

Путевая магия работала только двумя способами. Келл мог перенестись либо между двумя разными точками в одном мире, либо из одной в другую, находящуюся в том же самом месте в другом Лондоне. И поскольку англичане держали своего короля в Виндзорском замке, довольно далеко за пределами Лондона, Келлу приходилось сначала переноситься в сад к остро Паверону. Келл гордился своими навигационными способностями, однако люди так мало разбирались в магии антари, что никто не мог оценить их по достоинству. Пожалуй, оценил бы Холланд, но он погиб. И наверняка у него имелась своя система ходов и выходов между мирами, такая сложная, что по сравнению с ней все ухищрения Келла показались бы детским баловством. В лицо пахло зимним воздухом. Некровотокающей рукой он достал из кармана письма, потом вывернул плащ наизнанку раз, другой, пока не нашел нужную сторону: черное одеяние до колен, с капюшоном и бархатной подкладкой. В Сером Лондоне холод всегда ощущался острее, промозглая сырость пронизывала до костей.

Келл запахнулся в новый плащ и сунул письма глубоко в карманы, вместо шелка подбитые мягкой шерстью. Вдохнул, выпустив изо рта теплое белое облачко, начертил на заиндевевшей стене знак кровью. Но потом, коснувшись шнурка с амулетами, вдруг задумался. Замер, оглянулся по сторонам. В этом саду он был один, совершенно один, и наслаждался этим. Если не считать единственной поездки на север, когда они с Раем были еще мальчишками, Келл никогда не забирался так далеко от города. За ним всегда следили, но в последние четыре

месяца присмотр становился все строже. За двадцать лет на службе у королевской семьи он привык ощущать себя вещью, но сейчас все больше чувствовал себя узником.

Наверное, надо было сбежать, пока была возможность.

«Ты и сейчас еще можешь сбежать», – послышался внутренний голос, подозрительно напоминавший голос Лайлы.

Она ведь сбежала. А он? Ему-то не надо скрываться в другом мире. Достаточно просто уйти. Подальше от сада, от деревни, прочь из города. Можно сесть в дилижанс, или выйти в океан на корабле, и... что потом? Далеко ли он доберется без гроша в кармане и с черным глазом, выдающим в нем антари?

«Ты можешь добыть все, что тебе нужно», – возразил голос.

Мир очень велик. А он его даже не видел.

Если остаться в Арнсе, его рано или поздно найдут. А если уехать в Фаро или Веск? Фароанцы считают его глаз признаком силы, и больше ничего, но Келл слышал, как вескийцы сопровождают его имя словом «крат'а» – «столп». Как будто арнезийская империя держится на нем одном. И если он попадет в плен в любой другой империи...

Келл посмотрел на окровавленную руку. Боже, да как ему могло в голову такое прийти – убежать?

Разве он может покинуть свой город? Сама мысль об этом – чистое безумие. Покинуть короля и королеву? Брата? Однажды он уже предал их – и даже не раз, и это едва не погубило его. И как бы ни было трудно, он не может подвести их снова.

«Ты можешь стать свободным», – настаивал голос.

В этом-то и дело. Келл никогда не станет свободен. Как бы далеко он ни убежал. Он отказался и от свободы, и от жизни, вручив ее Раю.

– Хватит, – вслух сказал он, заглушая сомнения, вытащил из-под воротника нужный шнурок и стянул через голову. На шнурке висел серебряный шиллинг с лицом короля, сильно истертым за долгие годы. «Хватит», – повторил он про себя и прижал окровавленную руку к садовой стене. Надо заниматься делами.

– *Ас траварс.*

«В путь».

Мир изогнулся, вбирая в себя эти слова, и магию, и кровь. Келл шагнул вперед, надеясь оставить все свои тревоги в этом Лондоне, обменять их на несколько минут с королем.

Но, едва его ноги ступили на дворцовый ковер, как стало ясно: худшее впереди. В этом Лондоне что-то случилось.

В Виндзоре было слишком тихо. И слишком темно.

Чаша воды, обычно поджидавшая его в прихожей, была пуста, свечи не горели. Он прислушался и услышал шаги – очень далекие, они эхом отдавались в бесчисленных залах. А в покоях верхнего этажа его встретила тишина.

Содрогаясь от дурных предчувствий, он направился в королевскую гостиную, надеясь увидеть иссохшую фигуру, дремлющую в кресле, услышать тихий мелодичный голос. Но внутри никого не было. Огонь в камине не горел, окна – плотно затворены, чтобы не намело снега. Здесь было темно, холодно и затхло.

Келл подошел к камину, протянул к нему руки, будто желал согреть их, и через мгновение языки пламени лизнули пустую решетку. Этот огонь долго не продержится, ему нужна пища более существенная, чем воздух и магия, и в его свете Келл огляделся, ища хоть какие-то следы... Остывший чай или сброшенную шаль. Но в комнате царило запустение, она казалась нежилой.

И тут его взгляд упал на письмо.

Если это можно назвать письмом.

Всего один листок хрустящей кремовой бумаги, свернутый и подсунутый под поднос у камина, и на нем твердым почерком регента написано его, Келла, имя.

Келл взял записку, заранее зная, что в ней увидит, и все-таки мир поплыл перед глазами, когда при свете магического пламени он прочитал страшные слова.

«Король умер».

II

Эти два слова обрушились на Келла, как удар.

«Король умер».

Келл пошатнулся; он не привык к потерям. Он всегда боялся смерти, а теперь, когда был связан с жизнью принца, стал бояться еще сильнее. Но до Черной ночи Келлу не доводилось терять тех, кого он знал. Кого любил. Ему всегда нравился немощный король, даже в последние годы, когда слепота и безумие лишили Георга и величия, и власти.

И вот короля не стало. Сумма распалась на слагаемые, как сказал бы Тирен.

Внизу виднелась приписка.

«Выйди в вестибюль. Тебя проводят ко мне».

Келл неуверенно окинул взглядом пустую гостиную. Потом неохотно сжал руку в кулак, погасив пламя в очаге, погрузив комнату во тьму, и вышел. Наружу, через прихожую, в длинные коридоры.

Он словно попал в другой мир.

Виндзор был не так роскошен, как Сент-Джеймский дворец, но и отнюдь не так мрачен, как можно было подумать в покоях дряхлого короля. Гобелены и ковры дарили тепло. Канделябры и посуда сверкали золотом и серебром. На стенах горели лампы, издалека доносились голоса и музыка.

Рядом кто-то кашлянул, Келл увидел хорошо одетого слугу.

– Рад вас видеть, сэр. Сюда, пожалуйста. – Он поклонился и, не дожидаясь ответа, зашагал по коридору.

По пути Келл с интересом смотрел по сторонам. Он никогда не бывал дальше покоев старого короля, но не сомневался: здесь не всегда было так. Теперь тут явно распоряжался новый король.

Во всех помещениях, через которые они проходили, ярко пылали каминные, наполняя дворец неприятной духотой. Ни одна комната не пустовала, и Келла не отпускало чувство, что его нарочно выставляют напоказ, ведут мимо шепчущихся дам и любопытных джентльменов. Он стиснул кулаки и опустил глаза. Когда Келла наконец привели в главный зал, его щеки пылали от жары и раздражения.

– А, мастер Келл.

Регент – точнее, король, поправил себя Келл, – сидел на диване в окружении суровых мужчин и смешливых дам. Он стал еще толще и заносчивее, чем раньше, пуговицы едва не лопались, нос и подбородок торчали вверх. При появлении Келла в черном походном плаще свита замолчала.

– Ваша светлость. – Он склонил голову с едва заметной почтительностью. Густая челка приоткрыла его черный глаз. Он понимал, что следует, наверное, выразить соболезнование, но, взглядевшись в лицо нового короля, не заметил никаких признаков горя. – Я бы прибыл в Сент-Джеймс, если бы...

Георг властно махнул рукой.

– Я приехал сюда не из-за тебя. – Он неуклюже поднялся на ноги. – Заглянул в Виндзор на пару недель уладить дела. Привести их, так сказать, в порядок и покой. – Он, видимо, заметил, что Келла передернуло, и спросил: – Что с тобой?

– Мне кажется, потеря вас не печалит, – заметил Келл.

Георг фыркнул.

– Мой отец отдал богу душу три недели назад, а, будь у него совесть, должен был сделать это гораздо раньше. Как только заболел. Для его же блага, и для моего тоже. – По его лицу, словно рябь, пробежала мрачная улыбка. – Но для тебя, сдается мне, потрясение еще слишком свежо. – Он подошел к бару и налил себе выпить. – Все время забываю, – добавил он, глядя, как плещется в хрустале янтарная жидкость, – что, пока ты в своем мире, то не получаешь никаких известий из нашего.

Келл насторожился, окинул взглядом аристократов, наводнивших зал. Они перешептывались, с интересом поглядывая на юношу.

Келл обернулся к королю, сдержавшись, чтобы не схватить его за рукав.

– Что знают эти люди обо мне? – спросил он вполголоса.

Георг взмахнул рукой.

– Не тревожься. Кажется, я сказал им, что ты иностранный дворянин. Строго говоря, это правда. Но беда в том, что чем меньше они знают, тем больше судачат. Может, просто представить тебя?..

– Я бы хотел отдать дань уважения покойному королю, – перебил его Келл. Он знал, что в этом мире людей хоронят. Этот обычай (класть тело в ящик) казался ему странным, но он означал, что король – то, что от него осталось, – находится где-то здесь.

Георг вздохнул, как будто просьба была и ожидаемой, и страшно неудобной.

– Я так и думал, – сказал он, допив. – Он в часовне. Но сначала... – Он протянул руку, унизанную кольцами. – Письмо. – Келл достал из кармана конверт. – И письмо для отца.

Келл нехотя извлек и второй конверт. Старый король относился к письмам очень трепетно, всегда просил Келла не испортить печать. А новый взял нож и разрезал конверт, вытряхнув содержимое. Келл бы все отдал, лишь бы Георг не увидел чахлый листок.

– И ты проделал столь далекий путь, чтобы прочесть ему вот это? – презрительно спросил он.

– Я был привязан к старому королю.

– Теперь придется поладить со мной.

Келл ничего не ответил.

Второе письмо было гораздо длиннее. Георг опустился на кушетку. Келл стоял над королем, читавшим письмо, чувствовал на себе любопытные взгляды и был готов провалиться сквозь землю. Прочитав раза три или четыре, король кивнул про себя, отложил письмо и встал.

– Ладно, – сказал он. – На этом всё.

Келл вышел вслед за ним, радуясь уйти из этого места и от этих взглядов.

– Холод собачий, – буркнул король, накинув роскошную шубу. – Ты не мог бы с этим что-нибудь сделать?

– С погодой? – прищурился Келл. – Нет.

Король пожал плечами, и они в сопровождении слуг вышли из дворца. Келл плотнее запахнулся в плащ. Стоял промозглый февральский день, холодный ветер пронизывал до костей. Падая снег, клубилась поземка. Келл накинул капюшон.

Несмотря на холод, Келл не носил перчаток. Антари творят магию руками и кровью, и перчатки были бы препятствием на пути мгновенных заклятий. Нет, в Сером Лондоне он ничего не опасался, но все же лучше быть начеку. И вообще, даже простой разговор с Георгом напоминал дуэль. Они не испытывали друг к другу ни симпатии, ни доверия. К тому же новый король все больше и больше восторгался магией. Он вполне способен подстроить нападение, просто чтобы посмотреть, как тот будет защищаться. Однако такой шаг поставит под удар контакты между мирами, а король не настолько глуп. Келлу хотелось на это надеяться; хоть он и терпеть не мог Георга, но все же не хотел терять повод для путешествий.

Келл нащупал в кармане монету и стал рассеянно крутить ее, просто чтобы согреть онемевшие пальцы. Он думал, что они идут на кладбище, но король привел его в часовню.

– Часовня Святого Георгия, – пояснил он и вошел.

Высокое строение поразило Келла. Изобилие острых углов, сводчатый потолок над клетчатым каменным полом. Георг не глядя скинул шубу; он не сомневался, что кто-нибудь окажется рядом и подхватит ее. Так оно и случилось. Келл смотрел на свет, льющийся сквозь витражи, и рассеянно думал: неплохо, пожалуй, быть похороненным в таком месте. Но потом понял, что Георг III упокоился не здесь, в солнечных лучах, а в склепе.

Потолок там был ниже, свет едва пробивался, и у Келла по коже поползли мурашки. От древних камней шел запах пыли.

Георг взял с полки канделябр с незажженными свечами.

– Можешь зажечь?

Келл нахмурился. В тоне Георга сквозила голодная алчность.

– Конечно. – Он протянул руку к свечам, помедлил немного, потом взял вазу с длинными спичками. Достал одну, церемонно чиркнул и зажег свечи.

Георг разочарованно надулся.

– Моему отцу ты не отказывал.

– Ваш отец был совсем другим человеком. – Взмахнув рукой, Келл погасил спичку.

Георг нахмурился, видимо, он не привык, чтобы ему возражали. Но Келл не понимал: он злится на неповиновение вообще или на то, что ему не показывают магию? Почему он так настаивает? Хочет лишний раз убедиться в ее существовании? Просто развлечься? Или тут кроется что-то большее?

Он прошелся по королевскому склепу и содрогнулся. Если тебя положат в ящик и закопают в землю – это само по себе ужасно. Но быть погребенным здесь, когда тебя отгораживают от мира тяжелые каменные плиты... Келл никогда не понимал, почему жители Серого мира запечатывают своих мертвых в золото, дерево и камень, как будто в пустой оболочке остается частичка умершего. А если и впрямь остается? Какое жестокое наказание.

Дойдя до могилы отца, Георг поставил канделябр, подхватил край плаща и опустился на колени, склонив голову. Его губы беззвучно зашевелились, потом он достал из-за ворота золотой крест и поднес к губам. Наконец он встал и отряхнул колени.

Келл задумчиво положил ладонь на гробницу, надеясь почувствовать что-нибудь внутри. Но там было тихо и холодно.

– Следовало бы прочесть молитву, – сказал король.

Келл растерялся.

– Для чего?

– За упокой его души, конечно. – Видимо, он заметил смятение юноши. – Разве в вашем мире нет Бога? – Келл покачал головой. Георг этого не ожидал. – Вообще никакой высшей силы?

– Я этого не говорил, – произнес Келл. – Пожалуй, можно сказать, что мы поклоняемся магии. Она и есть наша высшая сила.

– Это ересь.

Келл приподнял бровь, убрал руку с гробницы.

– Ваше величество, вы поклоняетесь тому, чего не можете ни увидеть, ни коснуться, а я поклоняюсь тому, с чем связан ежеминутно, каждый день. Что из этого более логично?

Георг нахмурился.

– Дело не в логике, а в вере.

Вера. Замена показалась Келлу неравноценной, но он решил, что не стоит строго судить обитателей Серого мира. Людям надо во что-нибудь верить, и без магии они придумали себе бога поменьше. Полного изъянов, тайн и надуманных правил. Ирония заключается в том, что

они отвергли магию еще до того, как она покинула их, вытеснили ее этим своим всемогущим богом.

– Как вы поступаете со своими мертвыми? – допытывался король.

– Мы их сжигаем.

– Языческий ритуал, – презрительно бросил король.

– Уж лучше, чем укладывать тела в ящики.

– А как же их души? – Георг, похоже, был искренне встревожен. – Куда, по-вашему, они деваются? Ведь вы не верите ни в рай, ни в ад.

– Они возвращаются к истокам, – ответил Келл. – Магией пропитано все, ваше величество. Она – течение жизни. Мы считаем, что, когда человек умирает, его душа возвращается в этот поток, а тело распадается на составляющие его стихии.

– Но как же тогда собственное «я»?

– Оно перестает существовать.

– Тогда какова же цель? – проворчал король. – Зачем вести праведную жизнь, если потом тебя ничего не ждет? Если ничего не заработаешь?

Келл часто задавал себе этот вопрос, но при этом он вовсе не мечтал о загробной жизни. Просто не хотелось возвращаться в ничто, будто бы его никогда и не было на свете. Но скорее замерзнет серый лондонский ад, чем он хоть в чем-нибудь согласится с королем.

– Я думаю, цель в том, чтобы жить по совести.

Георг побагровел.

– Но если нечего бояться, что помешает людям грешить?

Келл пожал плечами.

– Я видел, как люди грешат и с именем Бога на устах, и во имя магии. Они просто не умеют достойно чтить высшую силу, какую бы форму она ни приняла.

– Нет загробной жизни... – ворчал король. – Нет бессмертной души. Это противоестественно.

– Напротив, – возразил Келл, – это самое естественное на свете. Природа циклична, и мы все – часть природы. Противоестественно верить в человеческую непогрешимость и в уютное местечко, приготовленное тебе на небесах.

Георг стал темнее тучи.

– Осторожнее, мастер Келл. Это богохульство.

– Ваше величество, вы никогда не казались мне богобоязненным человеком.

Король перекрестился.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть. Кроме того, – он огляделся, – я король Англии. Мое наследие священо. Я стою во главе страны по милости Бога, над которым ты насмеяешься. Я Его слуга, и это королевство вверено мне Его милостью. – Слова Георга прозвучали как заученная речь. Король засунул крест обратно под воротник. – Возможно, – добавил он, нахмурившись, – я бы поклонялся твоему богу, если бы мог увидеть его и прикоснуться к нему, как ты.

Вот оно, снова! Старый король благоговел перед магией, дивился ей, как ребенок. А новый король смотрит на нее так же, как на все остальное, – с возделением.

– Я уже предупреждал, ваше величество, – сказал Келл. – Магии больше нет места в этом мире.

Георг усмехнулся и на миг стал больше похож на голодного волка, чем на сытого человека.

– Мастер Келл, ты же сам сказал – в мире все циклично. Возможно, когда-нибудь наше время опять настанет, – коротко усмехнулся он, и его лицо снова приобрело обычное саркастическое выражение. Эффект получился обескураживающий, и Келл невольно задумался: неужели этот человек действительно так глуп и самодоволен, как о нем говорят? Или под маской пустого себялюбца таится нечто более глубокое?

Как там говорила Астрид Дан?

«Я не доверяю ничему, что мне не принадлежит».

По склепу пронесся сквозняк. Пламя свечи затрепетало.

– Пойдем, – сказал Георг, поворачиваясь спиной к Келлу и к могиле старого короля.

Келл достал из кармана серебряный лин Красного Лондона. В центре монетки блеснула звезда. Он всегда приносил их королю. Примерно раз в месяц дряхлеющий монарх заявлял, что магия из его старой монетки выветрилась, как тепло из угасающих углей, и Келл приносил ему новую, хранящую тепло его кармана и запах роз. Келл задумчиво повертел монету в пальцах.

– Это свежая, ваше величество. – Он прижал монетку к губам и положил ее, теплую, на холодный могильный камень.

– *Сорес наст*, – прошептал он. – Спи спокойно.

Сказав это, Келл поднялся вслед за новым королем по лестнице и вышел обратно в холодную ночь.

Ожидая, когда король Англии допишет письмо, Келл изо всех сил старался не переминаясь с ноги на ногу.

А тот не торопился. Тишина в комнате сгустилась, сделалась неуютной, и Келлу отчаянно захотелось сказать хоть что-нибудь, лишь бы нарушить ее. Понимая, что именно этого от него и ждут, он стоял и глядел, как за окном падает снег и сгущаются сумерки.

Закончив наконец письмо, король откинулся на спинку кресла, взял бокал и поднес к губам, перечитывая написанное.

– Скажи мне вот что, – произнес он, – о магии. – Келл насторожился. – В вашем мире все обладают способностью к ней?

– Не все, – ответил Келл, помедлив, – и не в равной мере.

Георг покачал бокал.

– Значит, тех, кто владеет ею, можно назвать избранными.

– Кое-кто так и считает, – подтвердил Келл. – А другие думают, что это просто дело случая. Как будто тебе сдали в игре хорошие карты.

– В таком случае, тебе достались *очень хорошие* карты.

Келл не дрогнул.

– Если вы закончили письмо, я бы...

– Многие ли умеют делать то же, что и ты? – перебил его король. – Путешествовать между мирами? Держу пари, что немногие, иначе я встречал бы их тут. – Знаешь, – добавил он, вставая, – не понимаю, почему твой король так легко отпускает тебя.

Мысли, точно зубчатые колеса, тяжело ворочались в глазах короля. Но Келл не собирался становиться экспонатом в его коллекции.

– Ваше величество, – сказал Келл ровным голосом, – если вам захотелось оставить меня здесь, полагая, что это даст вам некие преимущества, я бы горячо рекомендовал оставить эти мысли. Смею напомнить, что это поставит под угрозу будущие контакты с моим миром. – «Не делай этого, – мысленно взмолился он. – И думать забудь». Невыносимо будет потерять последний путь к отступлению. – Вы скоро поймете, что меня нелегко удержать под замком.

К счастью, король лишь шутливо поднял унизанные кольцами руки.

– Ты меня неправильно понял, – улыбнулся он, хотя Келл прекрасно видел, что тот замыслил. – Я просто хотел сказать, что такие великие королевства, как наши, могли бы поддерживать более тесную связь.

Он взял письмо, сложил и запечатал. Судя по толщине, послание было длинное, на несколько страниц больше обычного.

– Много лет эти письма были полны формальностей, пустых анекдотов вместо настоящей истории, угроз, а не объяснений, бесполезных намеков, хотя мы могли бы обмениваться важными сведениями, – заметил король.

Келл положил письмо в карман.

– Если на этом все...

– Нет, не все, – остановил его Георг. – Я хочу кое-что тебе дать.

Он поставил на стол небольшую шкатулку. Келл отступил назад.

– Вы очень любезны, ваше величество, но я вынужден отказаться.

Напускная улыбка Георга поблекла.

– Ты отказываешься принять дар короля Англии?

– Я бы отказал кому угодно, – возразил Келл, – если бы мне предлагали плату, да еще и неизвестно за что.

– Очень просто, – пояснил Георг. – В следующий раз ты кое-что принесешь мне.

– Контрабанда приравнена к измене, – процитировал Келл правило, которое сам много раз нарушал.

– Ты получишь достойное вознаграждение.

Келл ущипнул себя за переносицу.

– Ваше величество, прежде я, может быть, и задумался бы над вашей просьбой. – Над чьей угодно, мысленно добавил он. – Но эти времена давно прошли. Если вы хотите что-либо узнать, обратитесь к королю. Попросите его сделать вам подарок, и, если он соизволит, я охотно доставлю его. Но по собственной воле я не приношу ничего. – Эти слова дались ему нелегко, рана была еще свежа. Он поклонился и шагнул к двери, хотя король его не отпускал.

– Ладно, – сказал король, побагровев, и встал. – Я провожу тебя.

– Не нужно, – ответил Келл. – Не хочу доставлять вам неудобств. Вас ждут гости. – Слова были приветливыми, а тон – нет. – Я вернусь тем же путем, каким пришел.

«И ты за мной не пойдешь».

Келл оставил пунцового Георга за столом и вернулся в покои старого короля. Как жаль, что нельзя запереть за собой дверь. Но двери здесь запирались снаружи. Еще одно напоминание о том, что эта комната – скорее тюрьма, чем дворец.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить, каким был старый король в последний раз. Выглядел он плохо, но все же узнал Келла, обрадовался его появлению, улыбнулся, поднес к лицу письмо, вдохнул аромат.

– Розы, – тихо прошептал он. – Всегда пахнет розами.

Келл открыл глаза. Одна его часть – усталая, скорбящая – хотела скорее вернуться домой. Но другая звала его подальше от этого проклятого замка, туда, где он не будет ни королевским вестником, ни антари, ни узником, ни принцем, и сможет просто бродить по улицам Серого Лондона, пока не превратится в тень, одну из тысяч.

Он подошел к дальней стене, где тяжелые шторы обрамляли окно. В комнате было так холодно, что стекло даже не заиндевело. Он откинул штору, и на узорчатых обоях проступил выцветший символ. Круг, перечеркнутый линией, знак, ведущий из Виндзора в Сент-Джеймс. Келл отодвинул штору еще дальше и увидел знак, который стерся бы много лет назад, если бы не был скрыт от времени и света.

Шестиконечная звезда. Один из значков, которые Келл нарисовал много лет назад, когда короля перевезли в Виндзор. Точно такую же метку он начертил на стене сада неподалеку от Вестминстера. Вторая метка, наверное, давно смыта дождями и заросла мхом, но это не имело значения. Даже если линии не видны, символ, нарисованный кровью, просто так не исчезает.

Келл закатал рукав и достал нож. Царапнул по руке, обмакнул палец в кровь и обвел символ. Потом прижал к нему ладонь, бросил прощальный взгляд на пустой зал, на свет, сочащийся из-под двери, услышал далекий смех.

«Пропадите вы все пропадом», – подумал Келл и навсегда покинул Виндзор.

III

Дальние рубежи Арнса

Впервые за долгие месяцы Лайла ступила на твердую землю.

В последний раз они приставали к берегу три недели назад, в Корме. Но Лайле выпал неудачный жребий, и пришлось остаться на корабле. А перед этим были Сол и Ринар, но Алукард всякий раз настаивал, чтобы она не покидала «Шпиль». Она бы, может, и послушалась бы, но что-то в голосе капитана вынуждало ее остаться. А еще она сходила на берег в портовом городе Элоне, но это было два месяца назад и всего на половину ночи.

Она притопнула сапогом. До чего же хорошо, когда под ногами надежная твердь! В море все непрестанно движется. Даже в штиль, когда стихают ветер и волны, у тебя под ногами штурковина, которая стоит на воде. Мир плывет и покачивается. Моряки говорили: это привычка, тебя шатает, когда впервые вступаешь на корабль, а потом – когда сходишь на берег.

Но Лайла, оказавшись в порту, чувствовала себя вполне уверенно. Она прочно стояла обеими ногами на земле, словно внутри у нее висел тяжелый маятник, и ничто не могло поколебать ее.

И от этого ей тут же захотелось ввязаться в драку.

Первый помощник Алукарда, Стросс, говорил, что у нее горячая кровь, и Лайла была уверена, что он хотел сделать ей комплимент. Но на самом деле драка была способом испытать себя, проверить, становишься ты слабее или сильнее. Да, на море она всю зиму дралась чуть ли не каждый день, но суша – дело другое. Лошадей нарочно тренируют на песке, чтобы по твердой земле они бежали быстрее.

Лайла хрустнула пальцами, переступила с ноги на ногу.

«Неугомонная, – прозвучал голос в голове. – Все ищешь неприятностей? погоди, они сами тебя найдут».

Так говорил Бэррон; память о нем была еще слишком свежа и резала, как нож.

Лайла огляделась. «Ночной шпиль» пристал к берегу в месте под названием Сейзенрош, состоявшем только из дерева и камня, на самом краю Арнезийской империи.

В тумане приглушенно пробили часы. Лайла различила силуэты еще трех кораблей. Один арнезийский, два иностранных: первый (она узнала об этом из карт в каюте Алукарда) – торговец из Веска, словно вырезанный из единого куска черного дерева, второй – фароанский глассер, длинный и тонкий, как перышко. В открытом море паруса растягиваются на бесчисленных ряях десятками разных способов, чтобы лучше улавливать ветер.

На палубе вескийца сустились люди. За четыре месяца на «Шпиле» Лайла ни разу не заходила в чужие воды, никогда не видела вблизи жителей других стран. Рассказов, конечно, слышала немало – для моряков они словно морской воздух и дешевый ром. О темной коже фароанцев, усеянной драгоценными камнями, о могучих вескийцах и их волосах, сверкающих, как гладкий металл.

Но одно дело – слышать, а другое – увидеть своими глазами.

Мир, куда она вступила, был велик, полон правил, которых она не знала, рас, которых она не видела, и языков, на которых она не говорила. Полон магии. Самым трудным оказалось делать вид, будто ты все прекрасно знаешь, видала много раз и ничему не удивляешься. Лайла, прикрывшись маской напускного безразличия, смотрела в оба и схватывала все на лету. Как губка, впитывала слова, обычаи, училась делать вид, будто все это ей не в новинку.

Сапоги Алукарда стучали по дощатому настилу, и она отвела взгляд от заморских кораблей. Капитан остановился рядом с ней и положил руку на плечо. Лайла до сих пор вздрагивала

от внезапных прикосновений (вряд ли эта привычка когда-нибудь исчезнет). Однако она не отстранилась.

Алукард был одет, как всегда, щегольски: серебристо-синий плащ, подпоясанный черным кушаком, медно-рыжие волосы сколоты сзади и увенчаны элегантной шляпой. Он, кажется, любил шляпы не меньше, чем она – ножи. Единственной неуместной вещью была сумка на плече.

– Чувствуешь запах, Бард? – спросил он по-арнезийски.

Лайла принюхалась.

– Соли, пота, эля?

– Денег, – просиял он.

Вокруг шумел портовый город. Крыши приземистых зданий тонули в зимнем тумане, а то, что оставалось на виду, не производило сильного впечатления. Ничто здесь не говорило о деньгах. И если на то пошло, вообще ни о чем не говорило. Сейзенрош был городом в высшей степени непримечательным. Так, видимо, и было задумано.

Потому что официально этого города не существовало.

На сухопутных картах его не было. Лайла недавно узнала, что карты бывают двух видов – сухопутные и морские, и они отличаются друг от друга, как один Лондон от другого. Сухопутная карта – вещь обычная, а на морской показано не только море, но и все его тайны, скрытые острова и города, места, от которых надо держаться подальше, и другие, куда надо идти и кого искать, если туда направишься. Морская карта никогда не покидает борт корабля. Ее нельзя продать или обменять: весть об этом непременно дойдет до владельца, и наказание будет суровым; мир тесен, и выгода не стоит риска. Если мореплаватель – или просто человек, который хочет сохранить голову на плечах, – увидит на берегу морскую карту, он должен ее сжечь, пока она не уничтожила его самого.

Поэтому на суше Сейзенрош был тщательно охраняемой тайной, а на море – легендой. Отмеченный на нужных картах (и известный тем, кому надо) просто как Угол, Сейзенрош был единственным местом, где физически соприкасались три империи. Фаро, лежащий к югу и востоку, и северное королевство Веск сталкивались с Арнсом здесь, в этом маленьком неприятельском порту. А потому, объяснил Алукард, Сейзенрош – идеальное место, где можно приобрести иностранные товары, не пересекая границ, и избавиться от того, чего нельзя привезти домой.

– Черный рынок? – спросила Лайла, разглядывая собственную морскую карту «Шпиля» в капитанской каюте.

– Чернее не бывает, – бодро улыбнулся Алукард.

– И что, скажи на милость, мы тут делаем?

– На каждом каперском корабле, – пояснил Алукард, – скапливается два вида товаров: те, которые можно передать короне, и те, которые нельзя. Некоторым вещам по тем или иным причинам в королевстве не место, однако в городе, подобном этому, за них можно выручить круглую сумму.

Лайла с шутливым осуждением покачала головой:

– Да это же противозаконно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.